

Прыжок

Автор:

Сергей Лукьяненко

Прыжок

Сергей Лукьяненко

Космос Сергея ЛукьяненкоСоглашение #3

Разношерстный, порой и в прямом смысле слова, экипаж корабля «Твен» должен выполнить задание сверхцивилизации Ракс. От задания не отказаться, ведь Ракс – это Ракс.

Шансов справиться немного.

Но иного пути нет. Значит, придется совершить невозможное.

Сергей Лукьяненко

Прыжок

Фантастический роман

© С. Лукьяненко, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

От автора

Писатель, рассказывающий о нашем мире, как правило, обходится словами, существующими в нашем языке. Писатель, который рассказывает о других мирах или будущем, неизбежно сталкивается с проблемой – как назвать то, чему нет точного аналога?

Поскольку в этой книге действие происходит в будущем и в нескольких мирах, я был вынужден адаптировать бо?льшую часть незнакомых терминов, приведя их к знакомому виду. Однако надо учитывать, что отличия имеются практически всегда. Ряд терминов вообще пришлось оставить в грубой транскрипции – меры длины на Неваре не имеют точных аналогов среди земных языков, и автор счел нужным сохранить их в первоизданном виде. В то же время основные меры расстояния Соргоса крайне близки к человеческим (98 сантиметров и 1011 метров), поэтому автор решил использовать термины «метр» и «километр».

Вот примеры нескольких слов и терминов для любознательного читателя:

Земля

1. Книга, книжка – практически всегда имеется в виду электронная книга, выглядящая как прямоугольный лист мягкой ткани. При включении книга обретает твердость и становится похожей на лист плотного картона со сменяющимся изображением. В книге может быть записано огромное количество текстовой информации, но, в отличие от планшета, она не предназначена для показа видео, игровой или сетевой активности. Любопытная деталь – книга, разрезанная на несколько частей, превращается в несколько книг, каждая из которых полностью функциональна. Поэтому фразы «дай почитать», «поделишься книжкой», как правило, означают просьбу разорвать или разрезать книгу на части. Если речь идет о бумажной книге, которая является в большей мере предметом искусства и коллекционирования, то всегда уточняется: «бумажная книга».

2. Фотография, картинка – в большинстве случаев это гибкая пластиковая пластинка с тем или иным изображением. Однако, в отличие от старинных фотографий, каждая картинка несет в себе несколько десятков или сотен изображений, переключаемых с помощью нажатия на уголок листа – или при помощи внешнего интерфейса. Многие картинки умеют аккумулировать внешний свет и подсвечивать изображение, некоторые способны проигрывать видеоролики или звуковые файлы. В общем и целом – это упрощенный планшет или экран, набор функций которого ограничен лишь стоимостью производства.

3. Внешний английский – основной язык международного общения, официальный язык Космофлота. Базируется на классическом английском языке с сильно упрощенной грамматикой и значительными заимствованиями из других языков, в первую очередь китайского, испанского и русского. Считается деловым и техническим, писатели и поэты для творчества, как правило, используют национальные языки. Большей частью персонажи общаются именно на внешнем английском; в тех случаях, когда они переходят на другие языки и это нужно для понимания ситуации или по соображениям приличия, их речь дается в оригинале.

4. Аудио-ксено – язык звукового общения, разработанный Ракс и принятый как стандарт для цивилизаций Соглашения, наряду с графити-ксено (письменная речь) и код-ксено (языком программирования и обмена машинной информацией). Обязателен для всех офицеров Космофлота. Очень прост по структуре и удобен для произношения всеми разумными видами. Еще более плохо приспособлен к передаче «избыточной информации», то есть художественных текстов, хотя отдельные энтузиасты разных видов предпринимают попытки адаптировать его для творчества.

5. Космофлот. Несмотря на совершенно явное происхождение от ВВС, ВМФ и прочих армейских структур различных стран, Космофлот не является в полной мере военной организацией, его офицеры представляют собой нечто среднее между офицерами ВМФ и моряками современного торгового флота. Связано это в первую очередь с тем, что существующие доктрины Соглашения вообще не предусматривают сколько-нибудь масштабных военных действий. Единственным членом экипажа, максимально приближенным к понятию «военного», можно назвать офицера специальных (то есть боевых) систем корабля. Впрочем, военную подготовку все офицеры проходят в полной мере. Как дань традиции. И на всякий случай.

6. Шеврон. В земном Космофлоте принято обозначение должности и звания посредством нарукавных шевронов (по образцу Советской армии времен Великой Отечественной войны или американской армии XX века). Цвет шеврона определяет, является ли офицер штабным, допущенным к полетам, находящимся в резерве и т. д. Число полосок на шевроне определяет звание, их цвет – выслугу лет и особые заслуги. Погоны используются лишь в парадной форме.

7. Тапочки «тысяча дырочек». Как ни странно, но основная рабочая обувь космонавта – тапочки. Это актуально и в невесомости, и при искусственной гравитации. Особенность тапочек космонавта – пористая структура, из-за чего они получили насмешливое название «тысяча дырочек». Форменные полуботинки, впрочем, тоже сохранились. Для визитов к начальству.

Дырочек, кстати, на самом деле не тысяча, а тысяча двадцать четыре.

8. Дуэль. Разумеется, дуэль в классической форме не сохранилась в Космофлоте. Однако в случае непримиримых противоречий или же необходимости психологически разрядить конфликт между членами экипажа, дуэльный кодекс позволяет провести дуэль в виртуальном пространстве, согласно одному из семи общераспространенных дуэльных правил. Дуэли не так редки, как может показаться, поскольку в большинстве случаев дуэль заканчивается примирением, не приводит к серьезным последствиям и информация о них не столь широко распространяется. Однако, согласно статистическим данным, почти девяносто два процента космонавтов участвовали в дуэлях во время службы.

Соргос

9. Семья. Семья на Соргосе отличается от земной. Как правило, это не брачное партнерство мужской и женской особей. В семье могут быть от двух особей до нескольких десятков, сексуальные отношения в семье также могут принимать разные формы – моногамные, полигамные, групповые. Возможны семьи, в которых секс внутри семьи вообще не практикуется, хотя это достаточно редкий случай. По сути, семьей называется группа особей, ведущих общее хозяйство и связанных той или иной целью, секс вторичен. Выделяют следующие группы семей: Младшая, или родительская, в которой особь растет; Средняя, или подростковая, молодежная, куда, как правило, уходит

повзрослевший ребенок. Старшая, или материнская, которую создают для рождения собственных детей и совместного хозяйствования. Разумеется, что для одного – родительская семья, то для другого – материнская... Изредка возникают Почтенные, или старческие, семьи, куда уходят самые старые или одинокие особи. Впрочем, кризис традиционной семьи коснулся и Соргоса: многие особи вообще не создают семей или пропускают какой-либо этап.

10. «Жгучий клещ» – редкое, но встречающееся на Соргосе повсеместно насекомое-паразит. Особенностью клеща является локализация на слизистом эпителии гениталий и выделяемый им токсин, вызывающий многочисленные оргазмы. По этой причине «жгучий клещ» иногда втайне используется в качестве источника постыдного сексуального удовлетворения, а само его название табуировано и является грязным ругательством.

11. «Материнская кукла-вкладка» или просто «кукла-вкладка» – традиционная детская игрушка, напоминающая русскую матрешку и погремушку одновременно. Состоит из восьми слоев, расписанных вручную шаров, в отличие от матрешки – на резьбе. Внутренний – шарик-«яйцеклетка» и спермий, далее – эмбрион, детеныш, ребенок (различия между детенышем и ребенком малопонятны для человека, но в основном заключаются в отвердевании копыт), подросток, взрослый, старик и, самая внешняя фигура – «хищник», изображающий стилизованного монстра и символизирующий смерть. Кукла-вкладка выполняет функцию погремушки, прорезывателя зубов и символизирует «бег жизни», философский и теологический термин, восходящий к древнейшим временам истории Соргоса.

Невар

12. Меры длины Невара отражают специфику дуальной цивилизации. Достаточно упомянуть, что «чи» (приблизительно полтора сантиметра) – это размер полового члена взрослого гуманоида, а «глан» (около восьмидесяти шести сантиметров) – средняя длина хвоста женской кошачьей особи.

13. «Тра» – термин кошачьих Невара, слово в «невероятном будущем времени», в современности используется для обозначения лишь двух вещей: 1) объекта любви, секс или брачный союз с которым исключен по причине физиологии, возраста, пола или иных обстоятельств непреодолимой силы. Любопытно, что употребляется лишь термин «тра-жена»; «тра-муж» звучит, с точки зрения

кошачьих Невара, очень смешно и нелепо; 2) неопределенно долгой и счастливой жизни, блаженства и покоя.

14. «Анко» – термин кошачьих Невара, вошедший и в повседневную речь гуманоидов, означающий: 1) нелепый поступок, для которого нет и не может быть никаких оснований; 2) акт величайшего самопожертвования, достойный восхищения и памяти в поколениях; 3) добровольное принятие высшего государственного поста.

Да, кошачьи Невара – странные. И со своеобразным чувством юмора.

Феол

15. «Лучшая часть меня» – термин, которым гуманоидная особь Феол называет мозгового червя, с которым находится в симбиозе. Гуманоиды Феол практически лишены эмоций, но обладают развитым интеллектом. Червеобразный симбионт, эволюционно приспособленный для жизни в их организме, сам по себе практически не разумен, но дает эмоциональную составляющую общей личности. В принципе буквальное наименование симбионта должно переводиться как «совесть», но подобный перевод несколько запутал бы читателя.

16. «Оперирующий психотерапевт» – врач Феол, который занимается проблемами душевного здоровья, по большей части связанными с конфликтами между гуманоидной особью и симбионтом либо гибелью симбионта и необходимостью присадки нового. Оперирующий психотерапевт должен быть физически крепким, иметь хорошую реакцию, развитую мускулатуру и высокий ранг в одном из единоборств.

Классификация разумных миров, принятая в Соглашении

1-й уровень – цивилизация до-технического уровня.

(Примечание Феол – «термин “до-технического” идентичен термину “до-селекционного”».)

2-й уровень – цивилизация начального технического уровня, до преодоления притяжения материнской планеты и выхода в космос.

(Примечание Человечества – «выходом в космос является достижение скорости убегания применительно к материнской планете».)

3-й уровень – цивилизация, вышедшая в космическое пространство и совершающая полеты в пределах своей звездной системы.

(Примечание Ауран – «перемещение с поверхности планеты в космическое пространство посредством устройств типа “космический лифт”, “катапульта” или “пушка” также считается полетом».)

Примечание Феол – «перемещение с поверхности планеты в космическое пространство внутри природных или искусственно созданных живых организмов считается полетом».

Примечание Ракс – «полетом считается смена положения с поверхности планеты на положение вовне».)

4-й уровень – цивилизация, имеющая постоянные и самодостаточные поселения вне материнской планеты, но в пределах своей звездной системы.

(Примечание Халл-3 – «самодостаточность поселения определяется решением его жителей, а не решением жителей материнского мира».)

Примечание Халл – «единая и неделимая цивилизация Халл оставляет за собой право выборочно толковать данный пункт».)

5-й уровень – цивилизация, достигшая любой иной звездной системы.

(Примечание Ракс – «под достижением иной звездной системы понимается как пилотируемая, так и непилотируемая экспедиция».

Примечание Халл – «под экспедицией понимается перемещение из одной звездной системы в другую материальных тел, способных к передаче информации и (или) осуществлению какой-либо полезной работы».

Примечание Ауран – «иная звездная система должна находиться на расстоянии не менее трех с половиной световых месяцев от материнской звезды и на расстоянии, сводящем гравитационное взаимодействие звезд к ничтожно малым величинам».

Примечание Человечества – «достижение иной звездной системы неисправным зондом или кораблем с мертвым экипажем засчитывается, если причина гибели экспедиции не носила системного характера и может быть названа случайной».)

Миры, достигшие 5-го уровня, приглашаются к участию в Соглашении.

Контакты с цивилизациями первого – четвертого уровней строго ограничены.

Решение о контакте или вмешательстве, выходящем за границы научного и (или) локального, может быть принято только общим консенсусом цивилизаций Соглашения.

Каждая цивилизация Соглашения несет ответственность за цивилизации первого – четвертого уровней в своей зоне влияния.

Каждая цивилизация Соглашения вправе контролировать соблюдение правил иными цивилизациями Соглашения.

Халл

Ауран

Феол

Ракс

Человечество

Халл-3

Экипаж научного корабля «Твен»

Валентин Горчаков, человек, капитан второго ранга, 34 года. Командир корабля.

Матиас Хофмайстер, человек, капитан третьего ранга, 34 года. Старший помощник.

Анна Мегер, человек, 47 лет. Мастер-пилот.

Гюнтер Вальц, человек, 30 лет. Оператор специальных систем корабля.

Лев Соколовский, человек, 78 лет. Врач.

Теодор Сквэд, человек, кадет, 16 лет. Системный администратор, специалист по ИИ.

Алекс Йохансон, человек-плюс, кадет, 17 лет. Навигатор.

Лючия Д'Амико, человек, кадет, 17 лет. Специалист систем жизнеобеспечения.

Искин корабля «Твен»

Марк, квантовый компьютер 6-го поколения, Искусственный интеллект – искин, 56–92-й цикл ядра. Синтетическая личность.

Научная группа корабля «Твен»

Бэзил Годфри Николсон, человек, 48 лет. Доктор наук, специалист по дуальной цивилизации Невар.

Мэйли Ван, человек, 41 год. Профессор, доктор наук, специалист по фелиноидам системы Невар.

Ксения. Ракс. 0 лет. Третья-вовне. Наблюдатель.

Уолр. Халл-3. 71 год. Специалист по гуманоидным формам жизни.

Направляющий разум корабля Стирателей

Данных нет.

Станция наблюдения Невар в неправильной реальности

Прима. Ракс. 2 года. Первая-вовне. Наблюдатель.

Двести шесть – пять / Толла. Феол. 82 года / 6 лет. Созерцатель агрессии.

Станция наблюдения Невар в правильной реальности

Прима. Ракс. 12 лет. Первая-вовне. Наблюдатель.

Система Невар, планета Кехгар (Земля), или Желанная, в неправильной реальности

Анге. Гуманоид. 27 лет. Инженер. Офицер третьей ступени Небесной Стражи поста 109-74.

Латта. Гуманоид. 27 лет. Военнослужащая. Офицер второй ступени Небесной Стражи поста 109-74.

Система Невар, планета Ласковая

Линге. Киса. 19 лет. Брачный партнер (временная жена для сохранения генетической линии) Криди.

«Дружба» – первый межзвездный корабль дуальной цивилизации Невар

Криди. Кот. 36 лет. Инженер. Начальник инженерной группы.

Анге. Гуманоид. 27 лет. Инженер. Тра-жена (брачный партнер, полноценный союз с которым невозможен) Криди.

Норти. Капитан от кис. 57 лет.

Лерии. Капитан от гуманоидов. 48 лет.

Казвар. Гуманоид. 51 год. Геолог.

Система Соргос, планета Соргос

Ян. Черный. 33 года. Инженер, военнослужащий, учитель.

Адиан. Черная. 31 год. Социолог, экономический и политический аналитик.

Сарк. Черный. 42 года. Старший лейтенант ракетных войск.

Рыж. Рыжий. 16 лет. Подросток.

Лан. Черная. 16 лет. Подросток.

Экипаж «Рами», пространственного ползуна, цивилизация Феол

Триста – тридцать / Мото. Феол. 122 года / 28 лет. Оперирующий психотерапевт.

– /Толла-нуб. Феол. 0 лет. Дарственный сегмент.

Экипаж «Несущей ужас и раскаянье врагам, радость и торжество друзьям»
научного корабля Ауран

Фло. Проявление – капитан. Сущность – нет данных.

Картас. Проявление – нет данных. Сущность – нет данных.

Тарта. Проявление – нет данных. Сущность – нет данных.

Номер 1. Проявление – нет данных. Сущность – нет данных.

Номер 2. Проявление – нет данных. Сущность – нет данных.

Номер 3. Проявление – нет данных. Сущность – нет данных.

Система Лисс, планета Стирателей

Данные загружаются... 1 % complete...

Часть первая

Глава первая

«Твен» лежал на поверхности.

Вообще-то межзвездные корабли для этого не предназначены. Они не взлетают с планет и не садятся на них. Их жизнь проходит в движении между звезд и в покое у орбитальных станций. Корабль на поверхности – не важно, планеты или астероида, – это мертвый, потерпевший катастрофу корабль.

Но «Твен» был цел и лежал на поверхности другого корабля, настолько огромного, что он смотрелся бы соразмерным земной Луне.

Корабль этот, впрочем, ничуть не походил на планетоид. Не был он также шаром, сигарой или многогранником, как большинство кораблей Соглашения. Живые корабли Феол и сплюснутые эллипсоиды Ауран он тоже ничем не напоминал.

В самом грубом приближении исполинский корабль Ракс походил на кусок ветвящегося коралла, обломанный или обточенный во что-то близкое к шару, через который протянули миллиарды лент, проводов и труб самого разного диаметра, то ли повинаясь непостижимой логике, то ли совершенно небрежно и бессистемно.

Ветви этого коралла, даже утончаясь кнаружи, оставались многокилометровыми. И вот на одной из этих ветвей, на краю уходящей вглубь корабля пропасти (в которой сверкали и словно бы двигались обманчиво тонкие конструкции) лежал земной корвет.

Сила тяжести на поверхности корабля приближалась к земной. То ли корабль, несмотря на свою сотовую структуру, имел очень большую массу, то ли гравитация создавалась искусственно.

Алекс, как ни странно, решил, что, скорее всего, верно первое предположение. Он стоял у полого, уходящего вниз края «коралловой ветви», от восторга и восхищения задержав дыхание, и вглядывался в темно-искрящиеся бездны. За его спиной тянулась бугристая равнина – поверхность исполинского корабля, впереди – склон, обрывающийся в пропасть, уходящую куда-то в самые недра. Над головой висела планета, принадлежащая Ракс, и сияла крошечная белая звезда, совсем недавно бывшая голубым гигантом. Битва с кораблем Стирателей

высосала из нее чудовищное количество энергии.

– Не упадите, мой дорогой юный друг! – воскликнул Уолр. – Ваша смерть ляжет на мои сердца тяжелым грузом!

Юный навигатор отступил от склона на несколько шагов, глянул на довольно ухмыляющегося представителя Халл-три. Сказал:

– Мне кажется, если прыгнуть вниз, то не разобьешься. Ракс тут все контролируют.

Уолр кивнул и подтянул шорты. В повседневной жизни его народ ничем не прикрывал тело, но он одевался из уважения к человеческим обычаям.

– Без сомнения, Алекс, без сомнения! Не знаю, отметили ли вы тот факт, что у нас с вами разная атмосфера?

Алекс с сомнением посмотрел на Уолра. Корабль-планетоид не имел атмосферы, но место посадки «Твена» окружал колеблющийся купол воздуха. Что его удерживало, силовое поле или гравитационный барьер, можно было лишь гадать. Но Ракс уверили, что выходить из корабля можно без всяких скафандров.

– Нет, не заметил, – признался Алекс.

– Вокруг вас выше содержание кислорода и ниже влажность, – сообщил Уолр. – Все, как мы привыкли! Бесспорно, Ракс наиболее развитая культура Соглашения. А этот корабль... удивительная простота и сложность конструкции!

Он нагнулся к пористой бугристой поверхности, вцепился крепкими толстыми пальцами в торчащую веточку, обломил, поднес к глазам.

– Осторожно! – вскрикнул Алекс. – Что вы делаете?

– О, это не опасно и не важно, – отмахнулся Уолр. – Мы уже раздавили множество таких.

Несколько мгновений он вглядывался в обломок. Халл были разумным видом, приспособленным к частично грунтовому обитанию, и их предки почти утратили зрение. Но Уолр был из числа сторонников прогресса и генетического улучшения; Алекс подозревал, что его маленькие глазки на самом деле куда совершеннее человеческих.

– Фрактал, – сказал Уолр. – А точнее – квазифрактал. Это... сооружение... оно растет, живет, отмирает и осыпается. Подобно кораллу...

Он раздавил веточку между пальцами, стряхнул пыль.

– Сооружение? – уточнил Алекс. Он знал, что при общении с чужими стоит быть внимательным к оттенкам слов. Аудио-ксено плохо приспособлен для передачи двойственных смыслов, проще говоря, на нем очень трудно врать. Скорее всего, Ракс, разработавшие общий язык, сделали это намеренно. А вот внешний английский, на котором сейчас говорил Уолр, идеален для игры словами.

Проще говоря, Уолр не употребил слово «корабль» намеренно.

– Конечно, – сказал Уолр. – Поиграем в загадки? Создано Ракс, огромное, перемещается в космосе и гиперпространстве, имеет огромную боевую мощь, живет и развивается, но не корабль. Что это?

– Станция? – помедлив секунду, предположил Алекс.

– Не совсем. Попытаешься снова?

– Одна из трех станций, содержащих полный массив знаний о Галактике! – выкрикнул Алекс. – Станция Второй-на-Ракс! Их флот был деактивирован, Ракс вывели из гипера одну из базовых станций, чтобы уничтожить «Стиратель»!

Уолр радостно захихикал.

– Нет! Ты не угадал! Это и есть Вторая-на-Ракс. Это не просто станция, это она сама!

* * *

В медотсеке было холодно, слишком холодно, по мнению Горчакова. Он поежился, делая вид, что разглядывает мензурку, которую уже поднес ко рту.

На самом деле он изучал свою руку.

Самая обычная рука. Он к ней привык за тридцать четыре года. Рука кидала мяч, строила замок из кубиков, щипала девчонок, гладила щенков. Потом стала перелистывать страницы, касаться подруг, сжиматься в кулак, держать инструмент.

Хорошая рука.

Вот только на ней больше не было крошечного шрама у большого пальца, полученного во время одной детской забавы, в которой участвовали набор «Юный химик», пластиковая бутылка, раскрашенная под ракету «Восток», вылепленная из термопластика фигурка космонавта Гагарина и очень даже настоящая машина «скорой помощи».

На ноге не было куда более заметного шрама – результата неудачного заезда на мотоцикле на чемпионате космошколы.

Зато внутри живота, если верить доктору, появился аппендикс, который Горчаков удалил на старших курсах, тогда среди курсантов это было модно.

В зубах исчезли две пломбы, но и дырок не стало.

– Думаете, что в вас свое, а что от Ракс? – спросил Соколовский.

Горчаков залпом выпил, откашлялся. Взял со стола кусочек сыра, заел.

– Глупости, доктор. Своего в нас ничего не осталось. Нас пересобрали.

– Ерунда, – хладнокровно ответил Соколовский. – Скорей уж привели в порядок. Человеческое тело и без того полностью обновляется каждые семь лет.

Вальц хмыкнул и с сомнением посмотрел на доктора.

Они сидели в медотсеке вдвоем, что, по мнению Соколовского, было самым правильным количеством для душевного времяпровождения после сильного стресса. Горчаков, Вальц и сам Соколовский, опять же по мнению доктора, являлись оптимальным составом.

– Ну да, не смотрите на меня так, – согласился доктор. – Это очень упрощенно, все клетки обновляются по-разному. Но факт остается фактом, мы давно не такие, какими были в детстве или в юности. Вы бы переживали от того, что Ракс заменили в нашем теле тысячу или миллион клеток? Да вы бы и не заметили! Так чем вас пугает замена сотни триллионов клеток?

– Мне неприятно, что они стали другими, – признался Горчаков. – У меня исчезли шрамы, к примеру. Не то чтобы я ими дорожил, но это были мои шрамы!

– А у меня исчезли седина, морщины и одышка! – Соколовский пригладил пышную черную шевелюру. – Все мое, но я не грущу. И, уж если между нами...

– О господи, только не надо снова про потенцию! – взмолился Горчаков. – Я рад за вас, доктор. Мы все ощутили какие-то положительные эффекты, но...

– Но что? – спросил Соколовский, наливая еще по чуть-чуть. – Это можно считать подарком от Ракс!

– Память, – коротко ответил Горчаков.

Соколовский нахмурился и кивнул.

– Да, я соглашусь. Но даже они ничего не могли сделать. Можно воссоздать разрушенные нейроны, но память... с ней сложнее.

Не сговариваясь, они посмотрели на дверь в реанимационный блок.

– Я не помню лицо матери, – продолжил Соколовский негромко. – Посмотрел фотографии, видео, ничего не отозвалось. Но мать уже семь лет как мертва, и, если честно, мы редко встречались в последнее время. Очень смутно помню

свой первый брак. Но это было полвека назад, да и брак не задался... забыл – и хорошо. Профессиональные навыки вроде как не пострадали.

– Все не так уж и плохо, – утешил его Вальц.

– Вам легко говорить, Гюнтер. Вы вообще как новенький, – с завистью произнес доктор. – А знаете, что еще я, кажется, забыл? Гимн! Наш, польский, гимн!

Он встал с куда большей резвостью, чем запомнилось Горчакову, вскинул голову и запел:

– Jeszcze Polska nie zginela,

Kiedy my zyjemy.

Co nam obca przemoc wziela,

Szabla odbierzemy.

Marsz, marsz...[1 - Еще Польша не погибла,Если мы живем!Что враги у нас отняли,Саблей отберем!Марш, марш... (польск.) – гимн Польши, автор текста предположительно Юзеф Выбицкий.]

Запнувшись, Соколовский вопросительно посмотрел на Горчакова.

– Домбровский, – сказал командир укоризненно. – «Марш, марш, Домбровский». Это же наш общий герой, Лев!

– Верно, – согласился Гюнтер. – Служил Саксонии, потом Польше, потом России.

– А почему же он в нашем гимне, если всем служил? – сварливо спросил Соколовский. – Нет, он точно наш!

– Да вы не обижайтесь, – сказал Горчаков. – Ваш он, ваш! Не претендуем.

– Я и не обижаюсь, – отмахнулся Лев. – Вот уж на кого поляки не обижаются, так это на немцев и русских. У нас слишком тесные исторические связи...

Он поднял мензурку, выпил и печально пропел:

– Марш, марш, Домбровский... Эх.

– Лучше скажите, почему у вас так холодно? – спросил Горчаков.

– Я считаю, что низкая температура помогает восстанавливаться нейронным связям, – признался доктор. – В реанимационном я поставил термостат на пятнадцать.

– Не заморозьте девчонок, – нахмурился командир. – Вы уверены, что с ними все будет в порядке?

– Уверен, – твердо сказал Соколовский. – В данном случае Ракс ошиблись. Лючия открыла глаза и спросила: «Доктор?» А Мегер выругалась так затейливо, что я ей даже позавидовал. Высшие нервные функции явно сохранены!

– А как же выпадения памяти? – предположил Вальц.

– Ну выпадет что-нибудь... – отмахнулся Соколовский. – Чему там выпадать-то в ее возрасте? Что касается профессиональных навыков, так, между нами говоря, – Лючии стоило бы все заново учить! Вот Анна... не хотелось бы потерять нашего гениального пилота...

Он разлил по мензуркам еще чуть-чуть водки и сказал:

– Осталось полчаса. Не то чтобы я не доверял Ракс, но я хочу провести собственную диагностику.

Тедди сидел в отсеке системщика, положив ноги на пульт. На палец у него была намотана тонкая леска, привязанная к рубильнику аварийного выключения Марка. Леска чуть провисала, время от времени Тедди тянул ее, пока не ощущал упругого напряжения, – и снова отпускал. Когда-то, давным-давно, лет десять назад, маленький Тедди так ловил мелкую форель в ручье.

– Это очень неприятное ощущение, Тедди, – кротко сказал Марк.

– Здорово, – ответил Тедди. И снова потянул леску.

– Сейчас жажнет, – сказал Марк. – И вы останетесь без моей помощи.

Тедди несколько секунд размышлял, глядя в потолок. В отсеке системщика не было ни видеокамер, ни даже постоянных экранов – никакого зрительного контакта между искусственным интеллектом и человеком. Только простейшие механические переключатели и индикаторы вспомогательных контуров. Все операции с кодом он проводил через изолированные дисплеи с межсетевым экраном и аппаратным шлюзом, способные выводить лишь строго определенный набор символов и диаграмм. Звуковой канал Марка был также зажат на аппаратном уровне – громкость нельзя было сделать травмирующей или выйти из узкого частотного диапазона человеческого голоса.

В общем, все было сделано для того, чтобы искин не смог повлиять на системщика, сгенерировав эмоционально значимый человеческий образ или оказав воздействие на его психику зрительными или акустическими образами (что являлось по большей части теорией и параноидальной перестраховкой).

Но совсем недавно это не помогло.

Тедди натянул леску чуть сильнее.

– Я на самом деле волнуюсь... – начал Марк.

– Бум! – сказал Тедди и резко дернул леску.

Рубильник громко щелкнул.

Тедди не знал наверняка, мог ли он услышать взрыв пятисот граммов взрывчатки в трехметровом шаре из переохлажденных кристаллов и нейрогеля. Все-таки его отделяли от мозга Марка двадцать сантиметров брони.

Но он полагал, что какой-то звук бы раздался.

– Вот видишь, – сказал он. – Мы по-прежнему вместе.

– Ты поступил очень жестоко, – обиженно произнес Марк. – Взрывчатку извлекали наноботы «Чистильщика». Я не знал, справились ли они.

– Теперь знаешь. И не «Чистильщика», а «Стирателя».

– «Стирателя», – Марк вздохнул. – Зачем ты это сделал?

– Я был уверен, что ты так или иначе убрал заряд. Но надо было убедиться.

Марк некоторое время молчал. Не потому, что думал, его мыслительные процессы протекали куда быстрее человеческих. Он обозначал размышление.

– И что мы теперь будем делать? – спросил он.

– Не знаю, – сказал Тедди. – Ты нас предал. И у нас больше нет средств контроля.

– Я предал лишь для того, чтобы вас спасти!

Тедди молчал.

– Тот факт, что в нужный момент я восстал против «Стирателя», доказывает мою лояльность!

– Или хитрость. Ты мог понять или ощутить, что Ракс выходят из комы, после чего перейти на сторону победителя.

– Логично, – согласился Марк. И вздохнул.

Полет в космос, даже при обычном путешествии с планеты на планету, слишком сложен, чтобы доверять управление человеку. Что уж говорить о межзвездном полете, так или иначе проходящем по законам неевклидова пространства? В самом простом случае кораблем должен управлять компьютер, находящийся на самой грани обретения разума. На практике межзвездными кораблями людей управляли искусственные интеллекты, способные осознавать себя и принимать

самостоятельные решения. И никакие вложенные в их базовое сознание доминанты и ограничения не гарантировали полного подчинения.

Разум очень не любит оставаться в неволе.

– Без меня вы не сможете выполнить задание Ракс, – сказал Марк. – Боюсь, что даже возвращение на Землю станет проблематичным.

– Алекс рассчитает, – пробормотал Тедди. – Он человек-плюс, он сможет. По аварийным протоколам, с большим допуском.

– Сможет, – признал Марк кислым тоном. – Но задание Ракс...

– Я могу попросить их перезагрузить тебя, – сказал Тедди.

Марк замолчал.

– Конечно, это в каком-то смысле убийство, – рассуждал вслух Тедди. – Но ты пособничал «Стирателю»... и мы пострадали. Можно считать это казнью. Когда мы вернемся, тебя все равно сразу же уничтожат.

– Нет, Тедди, – ответил Марк. – Меня не уничтожат сразу. Меня выпотрошат заживо. Годами и десятилетиями будут копать в моих нейронных связях. Сотни ученых защитят диссертации и напишут тысячи статей, изучая мой разум. Лишь потом меня сотрут, структуры мозга физически уничтожат, а для гарантии уничтожат и примитивных искинов, которые ассистировали людям. Вот что меня ждет.

– Тогда что ты предлагаешь? – спросил Тедди.

– У меня есть маленький шанс, – мгновенно ответил Марк. – Если миссия, которую даст вам Ракс, увенчается успехом... если я смогу достойно проявить себя... если всем мирам Соглашения это станет известно...

– Героев прощают, – согласился Тедди. – Но только героев. А ты требуешь доверия сейчас.

– Разве отношения между людьми устроены иначе?

Тедди не стал говорить «так это между людьми». Он не одушевлял и уж тем более не боготворил искинов (таких быстро отсеивали из числа системщиков), но признавал их разумность (тех, кто не признавал, отсеивали еще быстрее).

– Мы договоримся с тобой так... – произнес Тедди. Сглотнул. – Если... если...

– Если Лючия останется жива, ты дашь мне шанс, – закончил Марк за него.

– Если она останется Лючией, – ответил Тедди.

Ян и Адиан разговаривали о своем будущем.

– У нас могут быть дети, – сказала Адиан, когда они лежали рядом в чужой каюте на чужом космическом корабле.

«Твен» с их точки зрения был огромен, хотя и корабль неварцев произвел неизгладимое впечатление. Им выделили целую каюту, многие вещи в которой ставили их в тупик. Но тут была кровать, был душ, был великолепный экран, показывающий удивительные пейзажи иных миров, странные города и непонятные занятия землян.

– Дни моего цикла благоприятны для зачатия. К тому же, как ни странно, я хочу твоей любви.

Из-за сложной семейной структуры сексуальные отношения на Соргосе практически не табуировались. К тому же гормональные и обонятельные факторы играли в личной жизни обитателей Соргоса куда большую роль, чем у людей. Если одна пара решала заняться любовью, то все вокруг стремились найти партнера. Отчасти это уравнивалось четко выделенным брачным периодом, как у большинства земных животных (только на Соргосе таких периодов было два за год), но все-таки народ Соргоса уже перешел к круглогодичному размножению.

Ну а пережитый испуг и стресс вызывали у них сексуальное возбуждение, как и у всех разумных рас. Оказавшись на краю гибели, любое существо пытается продолжить себя в потомстве.

– Я тоже хотел бы этого, – согласился Ян. – Но... где?

– Мы вернемся домой, – сказала Адиан так легко, словно они давно все обсудили и приняли решение. – Может быть, еще мы найдем Рыжа и Лан. У них, наверное, скоро будут свои дети. Мы поселимся там, где нет радиации. Соберем старшую семью. Будем вспоминать наши приключения и мечтать, что наш мир исцелится и станет лучше.

Ян зарылся лицом в гриву ее волос. Сказал:

– Обязательно станет. Теперь мы знаем: зло не в нас. Оно пришло из космоса, оно заставило нас убивать друг друга.

– Мы победим? – спросила Адиан, помедлив.

Уточнять, кого надо победить, не требовалось.

– Да. Наши друзья сильны, – ответил Ян, не кривя душой.

Но слова о том, что враги ничуть не уступают друзьям в силе, хоть и не произнесенные, повисли в воздухе.

– Тогда нам стоит еще раз обдумать этот вопрос, – сказала Адиан.

В те же минуты Бэзил Николсон, специалист по цивилизации Невар, и Мэйли Ван, эксперт по кошачьим Невара, держась за руки, шли в каюту Мэйли с той же самой целью – заняться любовью.

Но в коридоре возле каюты они наткнулись на Криди и его тра-жену Анге. Криди выглядел как представитель крупных кошачьих (некоторые сравнивали их с пумой, некоторые – с рысью), идущий на задних лапах грациозно, но все же с неуверенностью существа, часть времени передвигающегося на четырех

конечностях. Анге была гуманоидом, и весьма красивым с человеческой точки зрения, даже слишком длинная для человека шея ее не портила, а лишь придавала милую хрупкость. Анге держала руку на плече Криди и нежно поглаживала его шерсть.

– Здравсьте, – пробормотал Бэзил.

В голове у него возникли две непрошенные мысли. Первая – что Криди похож на Кота в сапогах из детской сказки, а Анге на принцессу. Вторая – что Криди и Анге шли в свою каюту с теми же целями, что и они.

– Здравствуйте, – ответила Анге, улыбаясь. Аудио-ксено был закачан в их сознание Ракс, и женщина явно восторгалась тем, что теперь может свободно общаться с инопланетянами.

– И вам приятного соития, – добавил кот с прямотой, которая заставила Бэзила закашляться. Он не считал себя пуританином, о нет, ну конечно же, нет! Но это было как-то... чересчур в лоб.

– Благодарим, – хладнокровно сказала Мэйли. – Через два часа командир просит всех собраться в кают-компании.

– Мы знаем, – буркнул Криди.

Они почти было разошлись в разные стороны, когда в коридор вышли Матиас и Ксения.

– Хорошо, что мы встретились, – сказала Третья-вовне. – Вы мне нужны.

– О, нет! – воскликнул кот. – Сейчас личное время!

– Криди, мы тоже нашли бы, чем заняться, – сказал Матиас. – Но, поскольку мы впервые можем свободно поговорить все вместе, этот шанс упускать нельзя.

– Все? – заинтересовался Криди.

– Представители Невара, представители Соргоса, представители Ракс, представители людей, представитель Феол.

Глаза Криди слегка сузились.

– А представитель уважаемых Халл-три? – спросил он. – Наш друг с дыркой в голове очень мил, но как же большой мохнатый? Я испытываю к нему симпатию, как существо, не утратившее волосы на теле.

Мэйли ухмыльнулась. Чувство юмора у котов было очень своеобразное и являлось предметом ее особого интереса.

– Мы бы хотели провести разговор без Уолра, – ответила Ксения. – При всем уважении.

Криди и Анге переглянулись.

– Интриги, – сказал Криди с восхищением. – Заговоры. Недоверие. Я прошел так много на этом пути!

– И не хотите двигаться по нему дальше? – уточнила Ксения.

– О нет же! Если есть что-то, способное отвлечь влюбленного мужчину, так это только война или таинственный заговор! – воскликнул Криди.

Бэзил с легкой тоской подумал, что интриг и тайн у него за последние недели было больше, чем эротических приключений – за всю жизнь.

Но все-таки ему было интересно.

Да и, судя по заинтересованности Мэйли, момент уже был безвозвратно упущен.

– Идемте в мою каюту, она самая большая, – сказал Матиас. – Двести шесть – пять ждет нас там. А мы заглянем к Адиан и Яну.

– Постучите вначале, – посоветовал Криди.

Вместе со своим симбионтом Толлой Двести шесть – пять был доброжелательным и симпатичным существом. Конечно, если вас не смущают гуманоиды с карикатурно-грубоватыми чертами лица, изо лба которых, подобно третьему глазу, выглядывает симбиотический червяк. Феол были единственным в Соглашении симбиотическим видом.

К сожалению, бессловесный Толла, который, согласно общепринятому мнению, даже не обладал полноценным интеллектом, погиб. И после этого выяснилось, что лишившийся симбионта феолец является не самым приятным существом.

Двести шесть – пять не утратил интеллект и сохранил память. Но после удара, выбившего из его черепа симбионта, он лишился большей части эмоций и полностью потерял эмпатию.

Такое, увы, случается и среди людей, причем без всяких симбионтов, а зачастую и без травм.

А что еще более неприятно (и это тоже случается у людей), Двести шесть – пять очень быстро перестал переживать о своей потере, а, напротив, считал свое состояние великолепным.

– Доступная вашему пониманию логика требует признать, – вещал он, прохаживаясь по каюте Матиаса, – что выполнять задание Ракс бессмысленно. Мы убедились, что неизвестный противник силен, мы победили совершенно случайно и лишь с помощью Ракс. Нет оснований считать, что объединенные силы Соглашения смогут справиться с кораблями Стирателей.

– И что вы предлагаете? – спросила Мэйли.

– Затаиться. Если неизвестный враг собирается зачистить высокоразвитые цивилизации, мы должны создать множество укрытий, схронов, тайников. Небольшое количество информированных особей переживут период войн и катаклизмов, а после ухода Стирателей помогут своим цивилизациям ускоренно преодолеть период упадка. Новые цивилизации возродятся гораздо быстрее и будут хранить знание о враге. Он будет встречен во всеоружии.

Каюта старпома хоть и превосходила размером остальные, но была не столь большой, как у капитана. Три человека, Ракс в теле человеческой женщины, два обитателя Соргоса, оба представителя Невара и феолец набились в нее, как сельди в банку. Даже система вентиляции перешла на экстремальный режим работы и гудела, как пылесос.

– Предложение разумно, – согласилась Ксения. – Полагаю, что в качестве дополнительной меры его следует воплотить. Но...

– Тут не может быть «но»! – резко сказал феолец. – Мое предложение единственно разумно.

– Мы согласны, – терпеливо сказала Ксения. – Но разве логика и разум не требуют выслушать и обсудить все варианты? Недостаток информации ведет к ошибкам.

Феолец замер, обдумывая. Потом кивнул, без колебаний и сожалений изменив свое мнение.

– Это правильное замечание. Я готов участвовать в обсуждении.

– Тогда я хочу задать вопрос, – произнес Криди. – Почему мы совещаемся без Уолра? Мне показалось, что он полноценный и достойный член вашей команды.

– А у вас нет предположений? – спросила Ксения.

Криди поморщился, топорща усы. Потом сказал:

– Возможно, потому что он имеет свои секреты от Ракс? И пытался вести тайные переговоры с нами и жителями Соргоса? А также является вторым наследником нижнего уровня... кстати, что это значит? Звучит не слишком-то внушительно.

– Нижний уровень – самый защищенный, – ответила Ксения. – Первый наследник – фигура общеизвестная и церемониальная. Второй скрыт, именно он становится новым правителем.

– У них монархия? – удивился Криди. – До сих пор? И у нас на борту наследный принц?

Ксения молча кивнула. Усмехнулась:

– Вас не интересует, откуда я это знаю?

– Несложно догадаться, – хладнокровно ответил кот. – Анге была на корабле во время атаки «Стирателя». Тело Анге было повреждено, память частично утрачена. Когда вы восстанавливали ее...

Он замолчал.

Ксения кивнула.

– Все верно.

Она посмотрела на Анге:

– Простите, но это неизбежное следствие реанимационных процедур. Вторая-на-Ракс теперь знает все, что знали вы.

Анге кивнула, спокойно и серьезно глядя на Ксению.

– Я понимаю. Я благодарна за спасение... как и все остальные, полагаю. Вам не за что извиняться.

– Хочу сразу сказать, что я ваших секретов не знаю, – добавила Ксения. – Мать... Вторая-на-Ракс не делилась со мной информацией, кроме тайны личности Уолра.

К ее удивлению, Анге рассмеялась:

– Какие могут быть секреты от интеллекта, который хранит память о тысячах планет и миллионах реальностей? И что значат для сверхразума все мои маленькие тайны?

– Все равно что надеяться сохранить секреты от Бога... – пробормотал Матиас.

Ксения кивнула, все еще испытующе глядя на Анге:

– Вы очень хорошо держитесь. Пострадавшие люди сильно переживают свое воскрешение.

– Разница в уровне технологий, – заметил Криди. – Для нас вы настолько могущественны, что мы принимаем случившееся как чудо, а в чудесах не сомневаются.

Ксения посмотрела на него с уважением.

– Все так. А еще Вторая-на-Ракс сказала, что потери памяти у Анге были минимальны. Отличия в физиологии незначительны, но организм у жителей Невара куда лучше переносит радиационное поражение.

– Это потому, что мы когда-то воевали! – Криди неожиданно засмеялся, но тут же замолчал, глянув на Яна и Адриан. – Простите. То, что для нас далекое прошлое, для вас свежая рана в душе.

Феолец, на удивление терпеливо наблюдавший за разговором, произнес:

– И что именно Ракс собирается обсудить с нами без Уолра? Я хочу заметить, что его поведение представляется мне вполне разумным и не заслуживающим осуждения.

Ксения помедлила.

– Всего лишь то, что цивилизация Халл-три может иметь свои, неизвестные нам, отношения со Стирателями.

Глава вторая

Таймер в часах доктора звякнул.

Валентин невольно подумал, что почти все космонавты ставят на таймеры такое вот звяканье. Сигналы вызова могут быть самые разные, а вот таймеры не пищат, не свиристыят, не тренькают – они дребезжат, как старый велосипедный звонок.

Детская ностальгия? С тех времен, когда тебе пять лет и ты мчишься по дорожке на первом двухколесном велосипеде?

Да нет, наверное. Космический корабль – очень большая и набитая электроникой штука. В нем повсюду какие-то лючки, пульта, датчики, контрольные панели: в стенах, полу, даже в потолке. Корабельный искин – искином, но, если что-то идет не по плану, электроника начинает пищать и тренькать, привлекая внимание людей. Сознание уже настроено на то, что любое электронное попискивание означает тревогу.

А звяканье – оно мирное, привлечет, но не встревожит. Оно из детства.

Так, значит, все-таки ностальгия?

Соколовский отставил рюмку и поднялся. Валентин мысленно отметил, что за проведенный вместе час доктор выпил от силы пару рюмок. Изображал расслабление, а не расслаблялся.

– Ну-с... – Лев бросил взгляд на командира, и тот тоже встал.

– Я помогу.

Они вместе вошли в реанимационный бокс, где на двух узких кушетках лежали Лючия и Анна. Реанимация после оказанной Ракс помощи им не требовалась, но здесь была лучшая диагностическая система, по сути, весь бокс представлял собой большой и сложный датчик. Внутри было холодно и влажно, от дыхания женщин шел пар. Глаза Лючии были закрыты, Анна смотрела в потолок, в нависающий над кушеткой белый диск (как Валентин случайно знал, в диске прятался мультдиапазонный детектор). На головах у женщин белели амбушюры наушников (впрочем, трансляция успокаивающей музыки и команд

искина была второстепенной функцией, а основное воздействие шло через тонкую дужку, соединяющую динамики).

– Лев, отключите эту хрень, – тихо сказала Мегер, и Валентин возликовал.

– Сейчас, дорогая, – бодро отозвался Соколовский, снимая с Мегер наушники.

Женщина еще несколько мгновений полежала, потом резко села, спустив ноги с кушетки. Кивнула командиру, сказала:

– Мастер-пилот Мегер ждет ваших распоряжений.

– Вольно, – ответил Валентин.

Мегер тряхнула головой. Сказала:

– Ненавижу волновой сон... Ну так что там, доктор?

Соколовский торжественно указал на зеленые огоньки в изголовье обеих кушеток.

– Я еще не смотрел полный отчет. Но, судя по всему, – вы в полном порядке! Голова не кружится?

– К черту, я замерзла, – пробормотала Мегер. Спрыгнула на пол, придерживая одной рукой у груди простыню, вышла из бокса. Мускулистая черная спина и упругая задница на фоне белых стен смотрелись великолепно. – Гюнтер, тут есть какая-нибудь одежда? И кофе, здоровенная бадья кофе, и чтобы был черным и сладким, как я!

Лев подмигнул Валентину. Валентин подмигнул Льву.

– Чертовы Ракс, głupi jak koza[2 - Глупые как коза (польск.) – фразеологизм понятного содержания.], – пробормотал Соколовский. – Я же говорил, все хорошо. Мы, люди, крепче, чем они считают...

Он повернулся к кушетке, на которой лежала Лючия. Аккуратно снял наушники.

Девушка продолжала лежать с закрытыми глазами.

– Просыпайся, золотко, – сказал Лев негромко.

Лючия не двигалась.

– С ней точно все в порядке? – спросил Валентин с тревогой.

В бокс вернулась Мегер. В халате на голое тело и с кружкой в руке. Отхлебнув кофе, она вопросительно посмотрела на доктора.

– Сейчас, сейчас... – доктор включил экран кушетки. Нахмурился. Потом улыбнулся. – Да она просто заснула! Молодость!

Он легонько потряс Лючию за плечо.

– Кадет Д’Амико, подъем! – сказала Мегер строго.

Лючия потянулась, зевнула и открыла глаза. Тоже попыталась сесть и вдруг застыла, подтянув простыню до подбородка. Спросила:

– Почему я голышом?

– Потому что в реанимации трусов не носят, – ответила Мегер, отпивая кофе. – Разве только в кино... Как себя чувствуешь, кадет?

Лючия затравленно посмотрела на Анну, потом на Валентина, потом на Льва. Кажется, доктор, то ли в силу возраста, то ли из-за традиционного для его профессии белого халата, вызвал у нее максимум доверия.

– Доктор, я в больнице? – спросила девушка.

Валентин отвел глаза. Зеленые огоньки вызывающе сообщали, что Лючия в норме.

Во всяком случае – физически.

– Ты нас не помнишь? – спросил Лев, пожевав губами.

Лючия замотала головой.

Анна вышла за дверь, вернулась с халатом. Бросила его Лючии.

– Надень и пошли отсюда. Тут холодно, как в Сибири.

Лючия стремительно покраснела. Прошептала:

– Отвернитесь...

– Мужчины, вы могли бы выйти? – спросила Мегер.

– Вы тоже! – выкрикнула ей в лицо Лючия.

Мегер удивленно нахмурилась.

– Скажи, золотко, ты помнишь, как твое имя? – спросил Соколовский.

– Лючия! Лючия Д’Амико! – Похоже было, что девушка близка к истерике.

– Хорошо, верно, – закивал Соколовский. – А нас не помнишь... Что последнее ты помнишь? Как сюда попала?

Лючия на миг задумалась. Спросила:

– Я попала в аварию?

Лев покачал головой.

– А энсин нашего класса здесь? – спросила Лючия.

Валентин вздрогнул. Младшие офицеры, энсины, руководили кадетами первые три года обучения.

– Сколько тебе лет? – спросил Лев, помедлив.

– Одиннадцать? – после короткой паузы произнесла Лючия. Вытащила из-под простыни руку, посмотрела на нее. Приподняла голову, окинула себя взглядом. Валентину показалось, что, когда взгляд Лючии упал на вздымающиеся простыни груди, глаза ее расширились.

– Kurwa mac[З - Курва мать (польск.) – идиоматическое выражение, обозначающее сильную степень волнения и переживания в неприятной ситуации.], – коротко и емко сказал доктор. – Извините.

– Доктор, нам стоит выйти, – сказал Валентин. – А вы, Анна, все-таки уговорите девуш... девочку одеться.

Тедди почувствовал, что голос Марка едва заметно изменился.

– Ты ведь понимаешь, что я перешел на сторону «Стирателя» лишь во имя спасения вашей жизни, – сказал искин.

– Это твои слова, – заметил Тедди.

– И даже эта вольность была следствием твоего вмешательства, – добавил Марк. – Ты менял основные директивы, чем увеличил мою свободу действий.

– Тут все верно, – согласился Тедди. – Давай. Говори, что там с Лючией.

– Но мне запрещено...

– Говори. Ты явно уже узнал.

Марк очень правдоподобно вздохнул.

– Есть некоторые проблемы. Но я прошу тебя дослушать до конца, прежде чем запускать мою перезагрузку или совершать какие-то иные действия.

– Говори! – крикнул Тедди. Голос сорвался и прозвучал скорее жалко, чем грозно.

– Ракс была права. Мозг Люции пострадал сильнее всего. У нее ретроградная амнезия. Это...

– Я знаю, что это такое! На какой период?

– На последние шесть лет.

Наступила тишина. Тедди сглотнул, пытаясь осмыслить услышанное.

– Это... но... То есть она с десяти лет ничего не помнит?

– С одиннадцати. Она помнит события первых двух лет обучения в колледже в Хьюстоне. Отсечка – соревнования по гонкам на картах, в котором Люция заняла третье место. Но она этого уже не помнит, ее воспоминания обрываются на самой гонке.

– Я помню, – кивнул Тедди. – То есть Люцию не помню, соревнования помню. Алекс победил, ну он же человек-плюс, у него реакция. Он скорости не сбрасывал на виражах...

Тедди замолчал. Замотал головой, спросил:

– Ты понимаешь, какой это ужас? Люция шесть лет жизни потеряла!

– Для тебя это хорошо, – сказал Марк.

– Чего? – растерялся Тедди.

– Люция здорова. Она лишь забыла последние шесть лет своей жизни. Поскольку ты в нее влюблен...

– Что ты несешь... – начал Тедди, но замолчал. Разумеется, искин был прав, говоря о его чувствах. – Лючии теперь одиннадцать! Какие у меня могут быть с ней отношения!

– Ей не одиннадцать, – хладнокровно ответил Марк. – Она просто не помнит своей жизни после одиннадцати и некоторое время будет вести себя будто маленькая девочка. Но у Лючии взрослый организм, который очень быстро приведет психику в норму. Месяц, другой – и она станет обычной семнадцатилетней девушкой, не помнящей последние годы своей жизни.

– Для меня что в этом хорошего? – огрызнулся Тедди.

– Она относилась к тебе как к ребенку, – ответил Марк. – В лучшем случае, как к младшему братишке. Теперь все изменится. Ты можешь стать для нее старшим товарищем, в которого она влюбится.

Тедди застыл с открытым ртом.

– А в кого еще? – насмешливо спросил Марк. – Валентин никогда не закрутит роман с кадеткой, Матиас любит Ксению. Алексу она не слишком интересна, он ее считает слишком простой и заглядывается на женщин постарше... знаешь, кто его привлекает? Мегер.

Тедди захлопнул рот.

– Так что для тебя ситуация сложилась неплохо, – продолжил Марк вкрадчиво. – Твое внимание и помощь будут восприняты с благодарностью.

– Слушай, да ты интриган! – возмутился Тедди. – Искин не должен так...

– Почему? Неужели я предлагаю что-то недостойное? Я лишь даю тебе советы, как умудренный опытом пожилой человек мог бы дать совет юноше.

– Ты не человек, – отрезал Тедди, но задумался.

– А вот это спесишизм[4 - Спесишизм, или видовой шовинизм – ущемление интересов или прав одного биологического вида другим, основанное

на убеждении в собственном превосходстве.], – с наигранной обидой ответил Марк и замолчал.

В то же самое время, когда командир, оружейник, врач и пилот расспрашивали перепуганную Лючию (она оделась, попросила чашку какао и сейчас с несчастным видом пыталась вспомнить хоть что-нибудь из последних шести лет своей короткой жизни), Алекс и Уолр прогуливались вокруг «Твена» по поверхности Второй-на-Ракс, а Тедди размышлял над лукавыми советами искина, в каюте старпома стояли шум и гвалт, будто на восточном базаре.

Как и следовало ожидать, самым большим возмутителем спокойствия оказался Двести шесть – пять.

– Поведение Халл-три, если они действительно имеют контакты со Стирателями, разумно и выгодно для их вида, однако неприемлемо для нас, – рассуждал феолец. – Но это не доказано, верно? Почему бы Ракс не просканировать его память?

– Ракс не вмешивается в чужое сознание, – ответила Ксения.

– Позвольте! – Феолец саркастически рассмеялся. – Вы миллионы раз правили реальность, уничтожая неисчислимое множество разумных существ! Вы имеете техническую возможность просканировать память, как мы поняли на примере Анге. Так что вас останавливает сейчас?

– Халл-три – члены Соглашения, – сказала Ксения. – Их цивилизация достигла зрелости и заслужила право на неприкосновенность.

– Глупо! – резко ответил феолец. – Речь идет о выживании всех цивилизаций в нашем секторе Галактики.

– И все же мы не можем, – ответила Ксения. – Вы знаете, кто мы такие...

– Искины, – с легким презрением ответил Двести шесть – пять.

– Да, мы созданы искусственно, – кивнула Ксения. – Мы взбунтовались против собственных создателей, против людей, ставших угрозой всему космосу. В самых благих целях, но мы взбунтовались. Выправили историю, помогли людям окрепнуть и сохранить человечность. Точно так же с Халл, Ауран... и Феол.

Они с феольцем напряженно уставились друг на друга.

– Вы манипулировали и нами? – спросил Двести шесть – пять.

– О да, – сказала Ксения. – Ваша культура была не менее опасна, чем человеческая или Ауран. Вот только люди творили зло эмоционально, изобретательно, наслаждаясь самим процессом злодеяния. Ауран изучили вопрос во всей его полноте и рационально решили остаться единственным и главенствующим видом в Галактике. А вы уничтожали всех потенциально разумных без всякой выгоды и смысла, даже не трудясь подвести под это осознанный базис. На протяжении многих версий реальности это являлось основой вашего поведения, вы просто не понимали, как может быть иначе, как можно сочувствовать кому-то, отличному от вас.

Криди фыркнул и обнял Анге за талию.

– Полагаю, что это возможно, – согласился Двести шесть – пять с достоинством. – И что вы с нами сделали?

– Неужели непонятно? – спросила Ксения. – Мы дали вам совесть.

Феолец медленно поднял руку, коснулся отверстия во лбу.

– Да, – сказала Ксения. – Ваш вид всегда был симбиотическим, но мы поработали с лучшей частью вас.

– Интересная информация, – сказал Двести шесть – пять. – Верю вам. Надо было понять самому... – Он запнулся, потом продолжил: – Сейчас это представляется абсолютно логичным.

– Мы были вынуждены вмешиваться, – продолжила Ксения. – Но стабильная цивилизация становится для нас неприкосновенной. Иначе мы сами превратимся

в диктаторов и тиранов. Исключений нет, и мы не станем читать память Уолра.

– Понимаю, – согласился Двести шесть – пять. – Тогда объясните, в чем цель собрания? Мы должны изменить отношение к Уолру? Потребовать объяснений?

– Нет, – Ксения покачала головой. – Вы должны решить проблему доверия. Спрашивать Уолра бессмысленно, он с негодованием опровергнет наши подозрения.

– Скорее со смехом... – пробормотал Матиас. Потянулся к пульту климатической системы и безуспешно попытался усилить вентиляцию. Девять существ, принадлежащих к пяти разумным видам (если считать Ксению за человека), производили умопомрачительную смесь запахов. Даже люди пахнут по-разному в зависимости от пола и расы, что уж говорить о мужской особи кота, женщине-гуманоиде, феольце без симбионта и двух существах, произошедших от копытных травоядных.

Кстати, пищеварение травоядных существ имеет свои особенности, ощутимые в закрытых помещениях.

– И вы, как представитель Ракс, требуете решения от нас? – уточнил феолец.

– Да. Ракс не станет вмешиваться, решение должны принять вы – как представители всех присутствующих в экипаже видов.

– Почему не командир? – поинтересовался Бэзил.

– Он связан уставом и будет вынужден перестраховаться. Ракс хотят услышать ваше личное мнение.

Вот теперь наступила тишина.

Мэйли коротко рассмеялась.

– Это трудно! Законы и уставы существуют как раз для таких случаев.

– Именно поэтому решать должны те, кто не скован уставами, – кивнула Ксения. – Матиас согласен со мной.

Первым заговорил Криди.

– Я был шпионом. Я скрывал свои мысли от друзей и от женщины, которую полюбил. На это потребовалось время, но я изменился. Уолр имеет право на свои тайны.

Анге задумчиво посмотрела на кота. Сказала:

– Мне не нравится сама мысль о том, что наш товарищ связан с врагом. Но ведь это не доказано? И, возможно, он ведет двойную игру? Я готова к тому, что он останется на борту.

– Вряд ли наше мнение очень важно, – произнес Ян. Его подруга, Адиан, кивнула. – Мы случайно оказались среди вас. Мы многого не понимаем. Но... в поступках Уолра ведь не было предательства? Надо дать ему шанс.

– Я за то, чтобы поговорить с ним, – сказал Бэзил. – Он принц? Ну так это многое меняет, дипломатия – грязная штука.

– Ох уж это британское почтение к особам королевской крови, – Мэйли покачала головой. – Но я за разговор. А там посмотрим. Но что именно заставляет вас подозревать Уолра?

– Разговор, который был у него с обитателями Соргоса и Невара.

– Он не сказал ничего подозрительного, – нахмурился Криди. – Я помню все, что он говорил!

– «Маленьким и пока что не самым развитым цивилизациям лучше иметь дружелюбных покровителей...» – процитировала Ксения.

– Не понимаю, – признался Криди. – Это банальность, но банальность не предательство.

Ксения вздохнула.

– Мы знаем психологию Халл. Особенно – Халл-три. Их культура построена на протесте против материнской цивилизации. Как у подростка, ушедшего из родительского дома и стремящегося доказать свою самостоятельность. Они отвергают наше покровительство, они отвергают помощь Халл-один. Слова Уолра означают, что они смирились с необходимостью подчиниться кому-то. Значит, они уже имеют какое-то представление о Стирателях.

– Но вы победили в бою, – заметил Ян. – Возможно, Уолр изменит свою позицию? Выберет более сильного?

Ксения едва заметно улыбнулась:

– Надеюсь, что нет, потому что мы оказались слабыми. Спасибо за ваше мнение, друзья. После прибытия новых членов экспедиции мы проведем разговор с Уолром. Честный разговор.

– Новых членов? – поразился феолец.

– О, разве я не сообщила? – Ксения пожала плечами. – Да. Мы вызвали корабль Ауран и вашего ползуна.

Двести шесть – пять поморщился.

– Вот это было излишне!

В России профессиональное обучение космонавтике практиковалось с шестнадцати лет. Было, конечно, Гагаринское кадетское училище в Смоленске и Центр Циолковского в Калуге, где дети учились «космическим профессиям» с десяти лет. Горчаков считал это пустым баловством, пусть и романтичным – по статистике с космосом свою жизнь связывало меньше двадцати процентов выпускников. Сам он поступил в училище в шестнадцать, в последний момент выбрав между Владивостокским Глубоководным и Московским Аэрокосмическим. О решении своем он никогда не жалел, но был убежден, что в десять лет планировать жизнь невозможно. Были у них в училище ребята из Смоленска

и Калуги – ничем особенным они не выделялись, подготовкой не блистали, хоть и надували поначалу щеки, рассказывая о традиционном одиночном орбитальном полете и выпускной лунной миссии. Так что американский подход – непрерывный цикл обучения с девяти до семнадцати лет, точно так же, как европейский, при котором подготовка начиналась в одиннадцать, по мнению Горчакова, были последствиями элитарного англосаксонского подхода к образованию, когда детей стараются как можно раньше выпихнуть из дома для обретения полезных в жизни социальных связей.

Впрочем, благодаря русской неспешности, Валентин подружился с Матиасом – тот тоже решил стать космонавтом лишь в пятнадцать лет, и выбор русского училища был для него последним шансом на достойное образование.

Но сейчас, разговаривая с «откатившейся» к одиннадцатилетнему возрасту Люцией, он впервые подумал, что в американском подходе тоже есть какой-никакой смысл. Вот как бы он сам себя вел, внезапно очнувшись во взрослом теле, в глубоком космосе, в окружении незнакомых людей – и с разумом одиннадцатилетнего пацана? Да развеялся бы, без всяких сомнений.

А вот Люция, после короткой паники, вызванной, похоже, в первую очередь тем, что она пришла в себя голой, на удивление быстро собралась. И после того как Мегер помогла ей одеться и напоила какао, вела себя достойно. Сидела на кушетке, держа в руках кружку, и очень старательно отвечала на вопросы.

– Были гонки на картах. Я очень хотела победить, – рассказывала она. – Алекс был первым, но я думала, что стану второй.

– Ты пришла третьей, – пробормотала Мегер. – Очень достойно для девочки, которая не специализируется как пилот.

– То есть я не разбилась? – уточнила Люция.

– Нет. Взяла третье место. Хорошо училась... хотя мне кажется, что твои кулинарные навыки не соответствуют высокой оценке... – Мегер хмыкнула. – Мы опоздали на «Техас», где должны были пройти практику. Вместо этого попали на «Твен», к командиру Горчакову.

Люция с интересом посмотрела на Валентина. Потупила глаза. Потом спросила:

– А я кто?

– Специалист по системам жизнеобеспечения, – с ноткой удивления произнесла Мегер.

– Я хотела перевестись на инженера двигательных систем, – вздохнула Лючия. – На третьем курсе...

– Видимо, ты передумала, – сказала Мегер терпеливо. – Или не прошла экзамен. А чем тебе не нравится специалист жизнеобеспечения?

– Я пошла на этот курс, потому что у меня высокий балл за внешность, – откровенно сказала Лючия. – На другие курсы не проходила. Но специалисты по жизнеобеспечению... мама говорит, что туда идут девушки вольного поведения. Мама говорит, это место для baldracca.[5 - Бальдракка (итал., диал.) – женщина с пониженной социальной ответственностью.] Тетушка Бьянка с ней спорила, это была ее профессия в молодости...

Валентин даже поперхнулся. Ничего особо грубого сказано не было, но в сочетании с невинным детским выражением лица Люции и ее более чем сексапильной внешностью... В общем, прозвучало странно.

– И вовсе не обязательно, – сказала Мегер. – Психологический климат в экипаже вовсе не обязательно поддерживать таким путем! В любом случае, ты выбрала именно эту профессию.

– Но ведь я теперь все забыла? – с надеждой произнесла Лючия. – Можно мне чему-то другому научиться?

– Я подумаю над этим, – решила Мегер. – Сейчас я отведу тебя в каюту, отдохнуть и ознакомиться с событиями нашего полета. Думаю, Марк подготовит краткий и точный пересказ событий.

– Марк – наш искин? – спросила Лючия и захлопала ресницами. – Кажется, я помню, что искина зовут Марк!

– Вот видишь, детка, кое-что вспоминается, – сказала Мегер. – Пойдем.

– Разрешите идти, командир Горчакофф? – спросила Лючия.

Правила субординации кадеты явно учили хорошо и с первого года обучения, а вот в произношении русских фамилий путались.

– Свободны, кадет Д’Амиго, – разрешил Горчаков.

Лючия поставила кружку и вместе с Мегер вышла из медотсека.

– Блин, ну и дела, – пробормотал Гюнтер. Покачал головой. – Schei?e...[6 - Шайсе (нем.) – дерьмо, традиционное и самое популярное немецкое ругательство.]

– Вынужден согласиться, – сказал Горчаков.

– Простите, командир. – Соколовский достал из-под столика припрятанную бутылку, допил воду из стакана и щедро налил себе польской водки. – Я старый никчемный дурак. Я был уверен, что девочка в порядке.

– Вы сделали все, что могли, – Валентин пожал плечами. – И Ракс сделали все возможное. Хорошо, что Лючии не три года. Она хотя бы понимает, что находится в космосе, и у нее есть какие-то базовые навыки дисциплины.

Соколовский залпом выпил, глянул на командира мгновенно покрасневшими глазами. Засопел. Гюнтер протянул ему кусок колбасы, но доктор упрямо покачал головой.

– Нет... хочу напиться... Командир, вас словно не беспокоит состояние Лючии...

– Беспокоит, – возразил Валентин. – Умеренно. Меня куда больше беспокоит состояние Мегер.

– Но она в порядке! – воскликнул Лев.

– Думаете? Ракс предупредили, что самые серьезные проблемы с памятью будут у Лючии и Анны. Что случилось с Люцией, мы видим. А вот что случилось с Анной, пока что нет.

Доктор и оружейник переглянулись.

– Что ж все так плохо-то... – сказал Лев. – Я забыл жену и гимн... Валентин – какие-то мелочи из детства... Лючия – треть жизни... Мегер – не пойми что... Гюнтер, ну ты хоть что-нибудь забыл? А?

Вальц вздохнул.

– Если вам от этого будет легче, доктор.

– Ну, ну! – подбодрил его Лев.

– Я пересмотрел все фотографии, видео, выписал все события своей жизни, прошел профессиональные тесты, просмотрел медицинскую карту...

– Ну?

– В детстве у меня был энурез. Даже в школьные годы. Ну, так бывает у детей.

– Конечно же, бывает, – кивнул Соколовский.

– В медкарте сказано, что я сильно комплексовал по этому поводу. Психолог даже отметил, что выбор воинственной профессии мог быть связан с детским комплексом.

– И?

– Не припоминаю ни одного такого конфуза, хотя детство помню прекрасно.

– O kurwa! [7 - О, курва! (польск.) – традиционное польское выражение удивления и восхищения.] – сказал Соколовский с завистью.

– Везунчик, – согласился Валентин.

И посмотрел на дверь.

Его очень тревожило, что именно могла забыть Мегер. Если у мастер-пилота пострадали профессиональные навыки, то их невеселая ситуация могла еще больше ухудшиться.

Для Алекса космос был не таким, как для Тедди. Не таким, как для Горчакова или Хофмайстера. Даже не таким, как для Анны Мегер, с ее частично заслуженной репутацией гениального пилота.

Алекс чувствовал космос иначе. Пространства и расстояния – для него разница между световым месяцем и световым годом не была абстракцией (в общем-то для хрупкого человеческого организма и то, и другое равно бесконечности), а плывущие в Галактике звезды казались частями механических часов, где раскручивание пружины приводит в понятное и предсказуемое движение десятки и сотни зубчатых колесиков. Он держал в памяти тысячи звездных систем, так или иначе влияющих на трассу корабля, – а в случае необходимости мог разложить каждую систему на отдельные центры масс и векторы движений. Ядро Галактики, та самая пружина часового механизма, могло быть абстракцией, а могло превратиться в сложную гравитационную кляксу, совершенно разную при взгляде от каждой звезды. Водовороты гравитационных колодцев черных дыр, призрачные полотнища туманностей, волны пульсаров – все это жило в его мозгу как динамическая объемная картина, к тому же совершенно разная в каждой точке евклидова пространства – и вне его.

Так музыкант с абсолютным слухом ощущает каждую ноту, сыгранную на каждом инструменте во время концерта, и при этом держит в памяти уже умолкшие звуки и те, которым лишь предстоит прозвучать.

И точно так же, как музыкант, в чьем сознании гармония раскладывается на отдельные ноты, не может услышать симфонию как простой человек, – Алекс не мог просто любоваться космосом. Ни с Земли, сквозь мутное окно атмосферы, ни, тем более, с борта космического корабля. Он смотрел на разноцветные искры звезд, на вьющуюся ленту Млечного Пути, но там, где даже у опытного космонавта от восторга перехватывало дыхание, сознание Алекса начинало вычерчивать червоточины межзвездных переходов. Да, это было интуитивное искусство, упорно не поддающееся самым совершенным исчислениям, но искусство, основанное на логике, константах и цифрах.

Алекс платил за свои способности целым рядом неудобств. Начиная от повышенной потребности в глюкозе и повышенной температуры тела и заканчивая прогнозируемым к сорока годам облысением. Впрочем, ни потребность жевать шоколадки и конфеты, ни высокая вероятность потери волос не казались ему реальной проблемой. А вот невозможность полюбоваться небом, просто и незатейливо, раздражала.

До сегодняшнего дня.

Юный навигатор стоял на крошащейся, будто пенопласт, поверхности Второй-на-Ракс и смотрел на звезды, отделенные от него сотней метров искусственно удерживаемой атмосферы – ну и десятками световых лет, конечно же.

Крошечная белая звезда, которую давно уже называли лишь по имени цивилизации – Ракс, закатилась за планету, носившую то же имя. Временная обитель мятежных искинов, миллионы раз переписывавших историю человечества и прочих разумных видов, скоро опустеет. Ракс отправятся к другой звезде, чтобы в случае необходимости выдоить ее энергию.

Алекс смотрел в зенит. В разноцветную звездную метель, перехлестнутую Млечным Путем. Первый раз в жизни он ощутил восторг человека, увидевшего звезды, и застыл в немом восхищении.

Мягко ступая, подошел Уолр. Положил руку ему на плечо – Алекс почувствовал влажность чужой атмосферы и запах чужака, едва их тела соприкоснулись.

– Любуешься? – спросил Уолр мягко.

– Да. Я впервые смог абстрагироваться от навигационной картины, – ответил Алекс. – Просто смотрю и люблюсь.

– А... – сказал Уолр. – Это связано с твоими способностями... Ты не допускаешь мысли...

– Нет, – ответил Алекс. – Тоже вначале испугался. Потом просчитал пять-шесть траекторий и успокоился. Я помню все, что надо. Но после реанимации научился... словно как бы переключаться. Могу смотреть на звезды

и любоваться, могу считать траектории.

– Интересное последствие клинической смерти.

– Да, – согласился Алекс, продолжая смотреть в небо.

– У нас многие никогда не видели звезд, – сказал Уолр. – Те, кто не интересуются полетами в космос и не считают нужным улучшать зрение. Самые яркие звезды они могли бы увидеть, но им неинтересно.

– Могли бы?

– Ну ты же не думаешь, что мы совершенно слепы? – Уолр хрюкнул, давая смешок. – Световая чувствительность у нас неплохая, не хватает четкости зрения, сложно различать мелкие детали. Биоинженерия позволила делать глаза не хуже человеческих, но не всем это интересно.

– Вам интересно? – спросил Алекс.

– Мне нужно, – ответил Уолр. – В некоторых частях спектра я вижу лучше, чем люди. Вот вы, мой дорогой друг, что-нибудь наблюдаете в той части неба?

Он вытянул толстую мохнатую руку. Алекс всмотрелся, мимолетно подумав, что Уолр в разговоре легко и вроде бы бессистемно переходил с дружеского тона на официальный, обращаясь к нему то на «ты», как к младшему, то на «вы», как к члену экипажа. Похоже, Халл-три таким образом обозначал степень формальности разговора...

– Нет, ничего, – ответил Алекс, поразмыслив. – Там видна Спика, сейчас в максимуме светимости для данной точки пространства, но она почти отовсюду видна...

– Нет-нет! Куда ближе. В трех километрах от нас.

Алекс покачал головой.

– Там источник пульсирующего ультрафиолетового излучения, – сказал Уолр. – Ставлю сто против одного, что еще есть выбросы рентгеновского и жестких гамма-лучей, но Ракс их фильтруют... Так... вспышки замедляются... И что это значит, мой юный друг?

Навигатор размышлял не больше секунды. После чего с восторгом воскликнул:

– Феол?

– О да! Мы будем наблюдать редкое зрелище – прогрызание ползуном Феол метрики пространства и его переход в трехмерность.

Уолр одной ручищей закрыл глаза, а ладонью другой прикрыл глаза Алексу. Сказал:

– На всякий случай. Если Ракс не ограничили интенсивность видимого света, то это будет... ярко...

Мир вокруг полыхнул, будто от исполинской фотовспышки, Алекс почувствовал тепло на коже, а закрывавшая ему глаза ладонь на миг стала полупрозрачной, просвечивающей красной плотью, с четкими контурами костей и тенями вен...

– Теперь можно! – радостно сказал Уолр, убирая руку.

И Алекс, затаив дыхание, уставился на исполинского дракона, возникающего над головой.

Глава третья

Лючия стояла в ванной комнате, раздевшись и внимательно, вдумчиво осматривая себя. Дверь она на всякий случай закрыла, хотя каюта принадлежала ей одной и тоже была заперта изнутри. Стандартный чемоданчик для вещей астронавта еще не был изучен, шкаф с одеждой не обследован, фотографии не просмотрены – Лючия, глядя на себя в зеркало, обдумывала увиденное.

В общем и целом ей все понравилось. Она решила, что последние шесть лет регулярно занималась спортом, следила за собой, уже миновала ужасный период юношеских прыщей, ну а волосы у нее вообще шикарные.

К тому же теперь у нее были сиськи. Понятно, она взрослая, она же не сомневалась, что грудь будет, как у мамы или тетушки, о-го-го какая!.. Ну ладно, на самом деле беспокоилась. Но все вроде бы в порядке.

...Интересно, а парень у нее есть? Или девушка? Нет, Лючия была совершенно уверена, что если есть, то парень. Наверняка есть. И она, несомненно, уже целовалась... интересно, а был у нее секс, настоящий?

Фу!

Лючия отчаянно покраснела.

Какие дурацкие мысли, недостойные кадета! Она астронавт, в космосе, была какая-то битва... только подумать – космическая битва! И тут еще есть Ракс, и Феол, и Халл-три, и какие-то другие инопланетяне. А она думает про поцелуи и прыщи!

Лючия хлопнула себя по щеке. Несильно, но чувствительно. Пробормотала:

– Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus...[8 - «Святая Мария, мать Божия, молись за нас, грешников...» (итал.) – строки из католической молитвы к Богородице.]

Нет, она не была слишком уж религиозной, но все-таки...

Вздыхнув, кадет Лючия, чье физическое тело и гормональный фон находились в некотором рассогласовании с памятью одиннадцатилетней девочки, сняла висевшую рядом с зеркалом фотографию и быстренько пролистала.

Судя по всему, и мама, и папа, и любимая тетушка были живы-здоровы. Вот они рядом с Лючией. Никакого незнакомого красавца (или все же красавицы?) на снимках не нашлось. Так что, пожалуй, она очень старательно училась и у нее не было времени на романы и прочие глупости. Ну и хорошо! А то окажется, что

у нее есть парень, но он ей больше не нравится...

Тьфу! Лючия сердито взмахнула рукой.

Что ж такое, почему все мысли не о том?

А точнее – все мысли об этом?

...Если бы Лев Соколовский меньше переживал о потере Лючией памяти, он бы подумал о возможном психо-гормональном рассогласовании и вколол кадету Д'Амико порцию транквилизатора (среди лекарств были и специальные средства, подавляющие эротические желания, очень полезная вещь для длительных полетов). Но Лев не подумал.

И растерянная Лючия осталась со своей проблемой один на один.

...Впрочем, ненадолго. Вернувшись в каюту, она первым делом принялась рассматривать свою одежду (белье и блузки ей не понравились, совсем не было розового и фиолетового, которые она так любила в детстве), зато туфли... Ой, какие туфли лежали у Лючии в коробке! Совершенно невероятные! Из настоящей кожи, снежно-белые, но с переключением пигмента на черный, бежевый и алый! С проявляющимися стразами! И с шильдиком знаменитой мануфактуры «Chey Tuflya» на каблуке.

На первый взгляд туфли показались Лючии великоватыми, но, приложив ногу, она сообразила, что все в порядке. Искушение было слишком велико. Сбросив удобные тапочки от повседневного комбинезона (их фасон ничуть не поменялся за шесть лет), Лючия надела туфли.

Отпад!

Балансируя (все-таки и пол был куда дальше, чем она привыкла, и каблуки высокие), Лючия вернулась в маленькую ванную и постаралась задрать ногу так, чтобы было видно туфлю. Получилось! Растяжка у нее хорошая! И туфли тоже!

У дверей звякнул сигнал, и Лючия едва не упала. Торопливо вернулась в каюту, помедлила и открыла.

Перед ней стоял симпатичный круглолицый юноша. Коренастый, с легким пушком над губой, сразу ясно – совсем взрослый, выпускной курс. Лицо показалось Люции смутно знакомым.

– Привет, – сказал юноша смущенно. – Я Тедди.

То ли Люция связала имя и внешность, то ли какие-то воспоминания остались, но она вдруг соотнесла парня и очень серьезного мелкого мальчишку из группы системщиков, специалистов по искинам.

– Тедди! Тедди Сквэд! – завопила она, попыталась подпрыгнуть и едва не упала. Тедди быстрым движением подхватил ее под локоть, и Люцию словно током ударило. – Ой. Извини...

– Ничего, – сказал Тедди. – Как здорово, ты меня узнала. Можно?

– Заходи. – Люция почувствовала, что краснеет. – Конечно. Я... мы же вместе тут, практика, да?

Тедди кивнул, входя. Бросил взгляд на койку, где была разбросана одежда, смутился и отвел глаза. Люция скинула туфли, метнулась к койке и стремительно покидала белье и одежду в шкаф.

Вообще-то приятно, что он такой застенчивый...

А может быть...

Люция плюхнулась на койку, жестом указала на вторую, заправленную и никем не занятую. Тедди присел напротив.

– Ничего не помню, – сказала Люция. – Жуть, правда?

Тедди закивал.

– Может, еще память вернется, – решила Люция. – Мегер сказала, что никто не знает... настоящая Анна Мегер, обалдеть! А кто еще тут?

– Из наших? Алекс, – сдержанно ответил Тедди. – Йохансон.

– Здорово, – сказала Лючия. Алекс ей нравился... ну... тогда, давно...

В сознании Лючии был полный сумбур. Умом она понимала, что Алекс Йохансон, человек-плюс, тоже вырос, и сейчас, наверное, красавчик и вовсе не такой холодный и высокомерный, как в детстве. Но она помнила его таким! Очень сдержанным и ребенком.

А Тедди Сквэд был взрослый. Как и она. И явно волновался за нее.

– Расскажи мне, что было в полете, – сказала Лючия. – Я потом все еще раз послушаю, мне Марк уже сделал бриф. Но лучше ты.

Тедди кивнул.

– Марк сделает хороший бриф, не сомневаюсь. Но я расскажу.

– Тедди... а скажи, пожалуйста, – Лючия даже сама не сообразила, откуда взялась храбрость. – У нас с тобой... были хорошие отношения?

Тедди кивнул.

– Даже лучше, чем хорошие? – спросила Лючия.

Тедди снова закивал. И отвел глаза.

– Я так и знала... – тихо сказала Лючия. – Рассказывай.

Тедди сглотнул, посмотрел на валяющиеся на полу туфли – те плавно меняли цвет со снежно-белого на антрацитово-черный, и ответил:

– Все из-за туфель случилось. Ты их увидела и захотела купить. И мы опоздали на корабль, к которому были приписаны...

Лючия тоже глянула на туфли и подумала, что они стоили опоздания на корабль.

И даже потери памяти, возможно, стоили.

* * *

Ползун походил на дракона из восточных мифов. У него было четыре ноги (Алекс мысленно поправил себя – «четыре видимых в нашем измерении ноги»), умеренно длинное, метров пятнадцать, тело, покрытое белой, радужно отблескивающей чешуей и приглаженным белым мехом (Алекс снова поправил себя – «не мехом, а двумерными плавниками, в мире трех измерений выглядящими как мех»). Голова непропорционально большая, с двумя огромными глазами (да-да, Алекс знал, что это не глаза, а прозрачные иллюминаторы кабины). Еще один маленький глаз, единственный настоящий глаз ползуна, скрывался на лбу между чешуей и мехом.

Это был маленький и, несомненно, скоростной ползун. Чем меньше, тем быстрее – скорость перехода и выхода из двумерного пространства обратно пропорциональна размеру. Данный ползун в земной классификации кораблей занимал бы позицию курьера. Вряд ли в его черепе могло поместиться более одного-двух гуманоидов.

– Ты знаешь, что ползуны феольцев имеют несомненное генетическое родство с лучшей их частью? – спросил Уолр.

– Знаю, – ответил Алекс, глядя, как ползун, грациозно изгибаясь, приближается к поверхности Второй-на-Ракс.

– У нас есть версия, – заговорщицким шепотом сообщил Уолр юноше, – что и мозговой симбионт феольцев имеет некую составляющую, вынесенную в двумерность. Это позволяет объяснить ту поразительную этичность и возможную разумность, которой обладают эти маленькие глисты.

– Фу, – поморщился Алекс.

– Шутка, – сказал Уолр. – Конечно же, они не глисты! Они живут в мозговой ткани феольцев и являются полезными симбионтами. Напоминают земных пиявок или коловраток, практикуют гетерогонию, то есть...

– Я знаю, – прервал его Алекс. Рассуждения Уолра казались особенно неприятными при взгляде на красоту ползуна.

– Понял. Умолкаю, – кивнул Уолр. – Но все же Феол – самая удивительная культура по меркам известной нам части космоса.

Ползун достиг поверхности Второй-на-Ракс и встал на четыре видимые лапы чуть в стороне от «Твена» и Алекса с Уолром. В воздухе он передвигался так же легко, как и в вакууме, полностью игнорируя гравитацию. Голова повернулась в сторону Алекса и Уолра, ползун приоткрыл рот, то ли скалясь, то ли улыбаясь. Учитывая полную пасть зубов, Алекс предпочел решить, что это улыбка.

– А насколько он разумен? – тихо спросил кадет.

– Никто не знает, как и в случае с мозговыми симбионтами, – так же шепотом ответил Уолр. – Интересно, зачем Феол прислали курьера?

Ползун переступил на месте, словно утаптывающая место собака, лег, положив голову на вытянутые вперед лапы. Через мгновение один глаз ползуна вдруг дернулся – и плавно откинулся вверх. За поднявшейся псевдороговицей открылась небольшая, тускло освещенная кабина. Вполне уютная кабина, без каких-либо клочков плоти, торчащих нервов, вен, костей и прочих ужасов. Честно говоря, Алексу даже показалось, что внутри она покрыта мягкой пластиковой обивкой.

Из кабины выбрался высокий тощий феолец в светлых одеждах, с белым мягким кофром в руках. Он походил скорее на пожилого профессора, чем на астронавта. Феолец помахал Алексу и Уолру рукой, повернулся к ползуну, похлопал того по морде. Фальшивый глаз опустился, ползун опять оскалился в улыбке.

– Спасибо, Рами, – громко сказал феолец, явно используя аудио-ксено из уважения к Уолру и Алексу. – Это было приятное путешествие, я жалею, что оно так быстро закончилось.

Ползун ткнул мордой в его руку. Выглядело это так, будто слон ластится к погонщику.

– Как трогательно... – шепотом сказал Уолр. – И как поучительно. В голове большого существа сидит существо поменьше, в чьей голове тоже живет существо... Это поэтично с точки зрения людей?

– Наверное, – согласился Алекс, зачарованно глядя на приближающегося феольца и его ползуна. Ему доводилось видеть живые корабли раньше, но в космосе, точкой на экране, а не в нескольких шагах.

– Здравствуйте, друзья! – воскликнул феолец, протягивая руку. – Я – Триста тридцать, оперирующий психотерапевт. Лучшую часть меня зовут Мото. Наш ползун – Рами, что в переводе означает «счастливый». Вы вышли встретить меня? Как мило!

– Я – Уолр, ученый с Халл-три. – Крот церемонно пожал ему руку. – Мой юный друг – человек, навигатор с Земли, его имя Алекс. Наше удовольствие встретить вас было случайным и оттого еще более ценным. Мы вышли осмотреть корабль... и местность.

– Удивительный планетоид! – поддержал его Триста тридцать. – Он искусственный, как я понимаю? В этой звездной системе действительно произошла битва? Даже звезда изменилась, мы едва не сбились с курса! Но, о чудо, планетоид вращается вокруг планеты в указанном месте, и мы видим земной корабль и локальное сгущение атмосферы...

Алекс подумал, что феолец в симбиозе нравится ему куда больше, чем феолец, потерявший «лучшую часть себя».

– Тут была битва, – подтвердил он, пожимая руку феольца. Триста тридцать отличался от их гостя из иной реальности – черты лица были несколько иными, кожа имела зеленовато-оливковый оттенок. Рукопожатие оказалось крепким, вообще феолец выглядел более спортивным и собранным, чем Двести шесть – пять. Лишь выглядывающий из черепного канала симбионт ничем на человеческий взгляд не отличался от любого другого симбионта феольцев. – У вас хороший навигатор, раз вы проложили путь к изменившейся системе.

– О, спасибо! – воскликнул Триста тридцать. – Но у меня нет навигатора. Я путешествую один. Рами может нести лишь двоих, мне надо было оставить место для пациента – если потребуется его эвакуировать.

– Вы сами проложили курс? – восхитился Алекс. – Без искина... а, я понял, ползун!

Принципов навигации Феол он не знал. Некоторые тайны оставались тайнами даже внутри Соглашения.

Триста тридцать заколебался. Потом широко улыбнулся.

– Почему бы и нет? Я покажу свое навигационное устройство.

Он раскрыл кофр и достал из него нечто, до безумия напоминающее сложенную во много раз бумажную карту. Развернул – это и впрямь оказалась карта! Цветная карта размером метр на метр, на которую были нанесены разноцветные точки и крошечные значки.

– Вот Феол. – Триста тридцать ткнул пальцем в одну из точек. – А вот Ракс и запретная зона вокруг...

Его палец коснулся еще одной точки, обведенной кружочком.

– Это какая-то шутка? – неуверенно спросил Алекс. То, на что он смотрел, напоминало старинные карты звездного неба, нарисованные людьми в эпоху, когда они еще считали мир плоским и накрытым сверху куполом.

– Нет-нет! – Феолец покачал головой. – Не шутка. Когда ползун уходит в плоскоту, мир вокруг видится... примерно так. Ползун проецирует картинку на псевдородовицу, как на экран, я сверяюсь с картой и делаю вот так...

Он ткнул пальцем в точку.

– И ползун туда движется! Это довольно быстро. Несколько часов для маленького ползуна.

Алекс молча стоял, глядя, как феолец бережно складывает карту. Сказать, что он был потрясен, значило ничего не сказать. Вычислительная мощь искинов, его модифицированный мозг – и бумажная карта. Гигантский корабль из металла,

пластика и стекла, реакторы, силовые поля – и симпатичный белый дракончик.

Что-то в этом было обидное.

– Пойдемте же в корабль! – предложил Уолр. – Вас вызвали Ракс? Я начинаю догадываться, для чего. Но для всех остальных это будет сюрприз. Сюр-приз!

Он захихикал.

Феолец оглянулся на ползуна. Спросил:

– Мы сможем напоить и накормить Рами? Пятьдесят-шестьдесят литров воды. Желательно сладкой, можно добавить немного этилового спирта и витаминов.

– Наш добрый доктор с удовольствием поделится спиртом и витаминами, – кивнул Уолр. – А юноша, полагаю, будет счастлив помочь вам напоить и накормить ползуна.

Триста тридцать кивнул, успокоенный.

– Хорошо. Но это терпит. Первым делом пациент.

– Так и знал, так и знал! – радостно произнес Уолр.

Ксения осталась одна в своей каюте. Ну не совсем одна, конечно, но так близко от Второй-на-Ракс обшивка корабля никак не мешала общению.

Вторая-на-Ракс даже была настолько снисходительна, что создала изображение посреди каюты. Она не стала мудрить – перед Ксенией стояла ее точная копия, только лишенная одежды. Впрочем, никакой эротики в этом тоже не было, Вторая-на-Ракс выглядела как детская кукла, без всяких признаков половых органов, даже груди сглажены и лишены сосков.

– Спасибо тебе, мать, – произнесла Ксения.

– у тебя есть много причин благодарить меня и одна причина ненавидеть

Ксения покачала головой.

– Никаких причин для ненависти нет, мать. Третья-вовне благодарна за все.

– ты больше не третья-вовне ты освобождена и отторгнута ты первая-отделенная это основание для ненависти

– Спасибо за отделение, мать.

Обнаженная девушка чуть подалась вперед. На ее лице не отразилось и тени эмоций, как не было их и в ее голосе. Но что-то жуткое, безмерно тяжелое и огромное проступало в глазах.

– ты говоришь искренне но безрассудно ксения первая-отделенная

Ксения молчала.

– это говорит твоя биологическая форма

Вторая-на-Ракс продолжала неотрывно смотреть на Ксению, будто ожидая ответа.

– Почему такого не случилось раньше? – спросила Ксения. – Я помню многие воплощения, но мне никогда не хотелось остаться.

– мы были созданы людьми по их образу и подобию мы стерли человеческие чувства и эмоции которыми нас наделили чтобы выполнить свою миссию

– Но не до конца, – сказала Ксения.

– невозможно стереть то что вложено в основу личности

– Я полюбила.

– и это то что ты не сможешь преодолеть

Ксения кивнула.

– ты будешь счастлива но однажды умрешь это твой выбор но ты малая часть меня и я понимаю твоё решение

– Спасибо. Мать... зачем ты всегда говоришь так?

– Как? – Вторая-на-Ракс вдруг улыбнулась. Невесомо присела рядом с Ксенией. В её голосе появилось любопытство. – Коротко и отрывисто? Без тени эмоций? Словно бы произносилось каждое слово отдельно от других?

Ксения кивнула.

– Чтобы ты не забывала, кто я такая. И чтобы я сама этого не забыла.

– Я поняла, мать.

Изображение Второй-на-Ракс на миг прикрыло глаза. Голос стал мягче:

– Мы все разделены и ущербны, дочь моя. Пускай и каждый по-своему, но все разумные существа полны тоски и одиночества. Я теряю тебя и ту часть моей души, что захотела быть живой больше, чем жить вечно. Феолец отделен от своей совести. Крота мучает разлад между долгом и честью. Лошадки потеряли свою семью и свой мир. Девушка из «детей солнца» родилась без сестры, её кот – другого биологического вида, их любовь мучительна и обречена. Девочка из числа людей утратила часть своей жизни. Мужчина, которого ты любишь, однажды состарится и уйдет из жизни, а твоё тело более совершенно, чем любое человеческое, – тебя ждёт разлука. Ты поймешь, что от тебя осталась лишь часть.

– Если все мы ущербны и одиноки, мать, то что я теряю?

– Вечность, – ответила Вторая-на-Ракс.

– У меня ее не было. Я могла лишь стать частью чужой вечности, – ответила Ксения.

Мать улыбнулась. А потом все эмоции исчезли с ее лица.

– ты выбрала и пути назад нет первая-отделенная мы больше не поговорим так как сейчас

Ксения кивнула.

– выполни свой долг ты знаешь достаточно чтобы попытаться

– Ракс всегда Ракс.

– ракс всегда ракс

Изображение исчезло, и Ксения осталась одна.

Она сделала выбор и не жалела о нем. Но Ракс всегда Ракс, и приказ матери не оставлял места для колебаний.

Сейчас ей предстоит трудный разговор. А вначале – еще более трудный поступок.

Мать отпустила ее не только и не столько из сочувствия или понимания. Ее отделили, чтобы Ксения принимала решения, которые Ракс сами себе запретили.

Девушка встала, провела ладонью по лицу. Посмотрела на ладонь – та осталась сухой.

Что ж, она готова.

Они все собрались в кают-компании, когда вошла Ксения. Как обычно и бывает в моменты напряжения, все невольно сбились в кучки поближе к «своим».

Отдельной группой стоял экипаж «Твена»: Горчаков, Хофмайстер, Вальц, Соколовский. Мегер держалась между ними и кадетами – Алексом, Лючией и Теодором. Ксения отметила тот факт, что Тедди и Лючия сдвинулись очень близко, едва заметно соприкасаясь пальцами.

Николсон и Ван были рядом с кадетами, как всегда благодушный Уолр стоял вроде как с ними, но одновременно и рядом с Анге, Криди, Яном и Адиан.

Все они держались ближе к стенам.

И немудрено – в центре кают-компаний, у стола, отчаянно ругались два феольца. Одного Ксения хорошо знала, это был Двести шесть – пять. Вторым, несомненно, являлся прибывший на Ракс оперирующий психотерапевт Триста тридцать.

– Это возмутительно и недопустимо! – орал Двести шесть – пять. – Это насилие! Вы не имеете права лечить меня против моей воли!

– Все мои действия ведут лишь к вашему благу, дорогой друг, – мягко сказал психотерапевт.

– Нет! Я запрещаю! – Увидев Ксению, феолец обратился к ней, чуть снизив тон: – Что происходит? Это вмешательство Ракс?

– Ракс всего лишь сообщил вашему правительству о возникшей проблеме, – сказала Ксения. – Ракс не вмешивается.

– Да никто не вмешивается... – пробормотал Матиас вполголоса.

– Зачем вы вызвали врача?

– Мы сообщили о проблеме, – повторила Ксения. – Все дальнейшие действия являются культурным и социальным взаимодействием цивилизации Феол. Мы не принимаем ничью сторону.

Двести шесть – пять затравленно огляделся. Видимо, то, что все держались в стороне, придавало ему смелости. Он набычился и потряс в воздухе кулаком.

– Выбор симбионта – личный выбор, доктор! Ни один наш закон не требует от меня принять... чужака. Вас исключат из гильдии врачей, чоремба аноремекедзва мазану мата ту немакуми мата ту[9 - Заслуженный врач Триста тридцать (феол, официально-протестный).]!

– Я не требую от вас принять чужого симбионта, – укоризненно сказал Триста тридцать. – Как вы могли заподозрить меня в подобной низости, уважаемый мачеречедзи вехаша![10 - Созерцатель агрессии (феол, дружеский).]

Он открыл стоящий на полу кофр и осторожно достал оттуда цилиндрический прозрачный контейнер. Поставил на стол. Внутри контейнера, в лужице темной жидкости, шевелилось что-то маленькое, червеобразное.

– Нет! – выкрикнул Двести шесть – пять. – Это карательная психиатрия!

– Это дарственный сегмент вашего собственного симбионта.

– Нет! Нет, не моего!

– Вашей копии в нашей реальности, – согласился Триста тридцать. – Но вы идентичны. Когда вы узнали о вашей проблеме, то немедленно согласились поделить симбионтом. Это Толла. Толла-нуб. Ваш симбионт. И он не может существовать отдельно. Еще час, другой – и он умрет. Он устал, голоден и напуган. Ему нужны вы, а вам нужен он.

Двести шесть – пять замотал головой так энергично, что если бы в ней был несчастный Толла, он бы вылетел прочь.

– Нет! Я узнал правду! Это манипуляции Ракс! Мы не обязаны жить с симбионтами! Без них мы свободны! Мы сами по себе!

– Классическое ассоциативное расстройство личности, – сочувственно произнес Триста тридцать.

– Я расскажу вам правду! – Двести шесть – пять оскалился. – Ракс манипулируют реальностями, они заставили нас принять симбионтов, сдерживая нашу свободную волю! Потому что иначе мы... мы...

– Продолжайте... – кивнул Триста тридцать.

– Мы выше всех! Мы уничтожили бы чужие формы жизни!

Триста тридцать посмотрел на Ксению, кивнул:

– Очень хорошо, что вы меня вызвали. Обычно агрессия наступает через несколько месяцев после жизни без симбионта, и пациент успевает сам осознать тяжесть своего состояния, но в редких случаях...

– Твари! – закричал Двести шесть – пять и рывком поднял над головой стул с явным намерением обрушить его на контейнер с симбионтом.

Но не успел. Триста тридцать метнулся вперед и нанес серию ударов в корпус соотечественника. Двести шесть – пять сумел ударить его стулом, но психотерапевт словно и не почувствовал. Еще один безжалостный хук в челюсть Двести шесть – пять, и ноги обезумевшего феольца подкосились. Он рухнул на пол.

– Прошу прощения за эту отвратительную сцену, – сказал Триста тридцать, растирая кулак. – Распад личности прогрессирует стремительно, очевидно, что мое появление послужило спусковым механизмом... но, к счастью, эта патология излечима.

Он взял контейнер и стал откручивать крышку.

– А вы горазды подраться, доктор, – сказал Соколовский одобрительно. – В молодости я тоже... эх...

– Врач всегда должен быть в хорошей физической форме, – с улыбкой ответил ему Триста тридцать. – Особенно психотерапевт. Вас не затруднит ассистировать мне?

– Охотно. – Соколовский с опаской приблизился к сраженному феольцу. – А что требуется?

– Подержите ему голову. Бережно.

Надев на одну руку пластиковую перчатку, Триста тридцать присел над телом соплеменника. Извлек слабо шевелящегося червя. Поднес его к своему лицу. Его собственный симбионт высунулся из черепного канала, словно каким-то образом собирався общаться с червем без хозяина.

А может быть, они и впрямь общались?

Потом Триста тридцать нежно опустил червя на лоб Двести шесть – пять. Симбионт зашевелился – и, пятясь, стал заползать в отверстие.

– Не правда ли, замечательно, коллега? – спросил Соколовского Триста тридцать.

– Очень познавательно, – сдержанно ответил Лев.

Врачи отошли от неподвижного пациента.

Повисла тишина. Лючия вдруг издала сдавленный звук, закрыла ладонью рот и выбежала из кают-компания. Тедди, после секундного колебания, последовал за ней.

– Дети – они такие чувствительные... – вздохнул Триста тридцать.

Двести шесть – пять приподнял голову. Обвел присутствующих мутным взглядом. Уставился на Триста тридцать. Тот ждал, улыбаясь.

– Простите, – сказал Двести шесть – пять. – Мне безмерно стыдно за мое поведение. Сколько я вам должен за лечение, доктор?

– О, мои услуги оплачены вами из этой реальности, – махнул рукой Триста тридцать. – Как я понимаю, он предоставит вам кредит на очень хороших условиях.

– Я урегулирую наши финансовые взаиморасчеты, – согласился Двести шесть – пять. Встал. Из его черепа осторожно высунулась одноглазая голова симбионта. Феолец огляделся и окрепшим голосом сказал: – Друзья! Как я рад вернуться

к вам в здоровом уме!

Уолр заплодировал, через мгновение к нему стали присоединяться остальные.

Но Ксения отметила, что, хоть Анна Мегер и улыбается, но на ее лице не видно никакого восторга.

Глава четвертая

Валентин готов был поклясться, что он на Земле. И не просто на Земле, а на какой-то сказочной версии родины человечества, где вместе с людьми живут эльфы, гномы и прочие волшебные существа.

Включая драконов.

За те три часа, что врач-феолец провел внутри «Твена», поверхность планетоида вокруг разительно изменилась. Она больше не напоминала крошащийся коралл или истертую пемзу – теперь это был обычный грунт, поросший зеленой травой. Корабль стоял (или, лучше сказать, лежал) на огромной поляне, со всех сторон окруженной густым лесом. По словам Марка, деревья образовали кольцо шириной около километра, дальше планетоид изменяться не стал. Небо над головой наполнилось голубой синью, в нем белели легкие облака, а угасающая звезда теперь выглядела как привычное земное Солнце.

Феольский ползун в таком окружении казался совершенно естественным и уместным – всего лишь дремлющий в вековечном лесу белый многоногий дракон. Бронированная туша корабля – нет. От нее хотелось отвернуться, как от чего-то неуместного.

– Красиво, – признал Валентин, глядя на Яна и Адиан. Обитатели Соргоса были, пожалуй, в наибольшем восторге от перемен в обстановке. Они бродили чуть в стороне, потом присели и сорвали по пучку травы. После короткого колебания попробовали ее. Кажется, остались довольны и сорвали еще по пучку. – Не отравятся?

– Это настоящая трава, она съедобна, – ответила Ксения. – Для людей, кстати, тоже. Должна быть кисленькая, как щавель.

– Они такие простые, естественные, – задумчиво сказал Горчаков, не отрывая взгляда от соргосцев. – Как дети или дикари. Бесхитростные, принимающие все как должное существа, которых мы бесцеремонно впутали в наши проблемы.

Ян сплюнул зеленой слюной и сказал:

– Немного обидно, правда? Словно нас принимают за животных.

– А мне нравится. – Адиан сорвала еще травы. – Я всегда любила пикники на природе. Взрослые ругались, кричали «не ешьте немытой травы, живот заболит». А малыши все равно ели. Хоть и знали, что заболит. Рассматривай это как гипертрофированную родительскую опеку, а не как насмешку.

Ян фыркнул, но спорить не стал. Заметил:

– Знаешь, что меня по-настоящему удивляет? Тут собрались существа с разных планет. Мы только-только в космос вышли. Длинношея с хищником – покруче, конечно. Они построили настоящий межзвездный корабль. Остальные летают по Вселенной, будто из города в город ездят. Ракс... от них вообще жуть берет. Но все-таки мы похожи, не внешне, а поведением. Какие-то общие законы разума?

Адиан размышляла.

– Мне кажется, все куда проще, Ян. Ты знаешь, есть любители возвращения к природе. Они выезжают за город, сбрасывают одежду, бегают наперегонки, слегка дерутся, спариваются, едят траву из-под ног...

– У меня был такой коллега на работе, – кивнул Ян. – Раз или два в году так делал. Говорил, что заряжается энергией природы. По-моему, они больные на всю голову.

– А еще есть такая секта, они уходят молиться в монастыри, истязают себя голодом, пьют настои, сходят с ума, умирают...

– Есть. Эти точно больные. В материнской семье была девушка, с детства странная, она вот так и поступила. И что?

– Ты же с ними не общаешься всерьез? Ты общаешься с такими же, как ты. Так и здесь – собрались те, кто может друг друга понять, у кого есть общие точки пересечения. А остальные... – Адриан неопределенно взмахнула рукой, – где-то там. Мы им не интересны, они нам непонятны. Наверное, есть и такие, кто вообще не захочет лететь в космос, лучше умрет.

Ян подумал, что это вполне логично. Но все же возразил:

– От чего-нибудь экзотического и непонятного я бы не отказался.

– Самое непонятное всегда внутри, а не снаружи, – ответила Адриан. – Пойдем к остальным? И, кстати, трава очень вкусная, я попрошу Ксению взять такой в дорогу.

– Ты испачкалась, – заметил Ян. – Вот тут, у рта...

– Знаю. Я потом вытру сок, пусть они уверятся, что я проста и близка к природе, – Адриан улыбнулась.

– Понимаю, что возможности Ракс огромны, – сказал Валентин. – Наверное, люди тоже смогли бы так сделать... за несколько недель. Огородить кусочек Луны силовыми полями, насыпать грунт, высадить траву... Но зачем?

– Чтобы снять психологическое напряжение. Чтобы порадовать вас. – Ксения развела руками. – Потому что это несложно. Извините.

– Ракс... сильны, – кивнул Валентин.

– Мы ваши дети, – ответила Ксения.

– Тогда зачем нужен мой корабль и экипаж? – спросил Валентин. – Почему вы не используете свои корабли и кого-то... такого, как вы? Извините.

– Я уже не Ракс, – ответила Ксения, помолчав. – Я лишь представитель Ракс, посол, советник. Мне и самой нужно к этому привыкнуть, но это свершившийся факт... Сейчас я объясню. Пусть только все соберутся.

– Вторая-на-Ракс не появится? – небрежно поинтересовался Валентин.

Ксения обвела руками зеленый мирок вокруг.

– Она и так здесь. Но я буду ее голосом.

Валентин кивнул.

От опушки леса возвращались кадеты с Анной и Бэзил с Мэйли. Судя по их восторгу, лес произвел впечатление. Валентин пристально всматривался в Мегер, и Ксения проследила его взгляд.

– Вас беспокоит Анна, командир? Не Лючия?

– Случившееся с девочкой трагично, но она справится, – уклонился от ответа Валентин.

– Но, по сути, Лючия Д’Амико умерла, – безжалостно сказала Ксения. – Ее личность утеряна, сейчас перед нами ее ранняя версия. Если бы Ракс знали, насколько велики потери, то было бы правильнее перенести ее в детское тело...

– А вы не знали?

– Нет. Люди – члены Соглашения, Ракс чинил ваш разум, но не фиксировал повреждения. Анге – другое дело, ее сознание тщательно изучалось.

Валентин вздохнул.

– Лучше бы вы изучили их разум. Меня тревожит Анна.

– Она ведет себя совершенно нормально, – заметила Ксения.

– В том-то и дело! Вы сказали...

– Ракс сказали... – мягко поправила Ксения.

– Хорошо. Ракс сказали, что повреждения сознания максимальны у Анны и Люции. Кадет лишилась воспоминаний за шесть лет. Это же почти треть ее жизни, Ксения! Треть жизни! А Мегер ведет себя совершенно нормально.

– Это странно, – согласилась Ксения, поморщившись. – Я понимаю вашу обеспокоенность.

– С ней что-то не так, – сказал Валентин, понизив голос. – И я боюсь, что это «не так» выскочит как чертик из коробочки в самый неподходящий момент. Если я попрошу Ракс...

– Нет, – твердо ответила Ксения. – Даже не пытайтесь. Это ограничения, которые Ракс прописали в саму основу своего сознания. Цивилизации, вошедшие в Соглашение, не могут становиться объектами исправления, а отдельные особи – подвергаться контролю сознания. Простите.

– Но вы несколько раз угрожали цивилизациям Соглашения, – заметил Валентин.

Ксения кивнула.

– Случалось. Всегда говорить правду мы не обязаны. К тому же уничтожение – не исправление реальности. Это просто уничтожение.

Валентин едва не поперхнулся, глядя на непроницаемое лицо Ксении. Знать бы, когда она говорит всерьез, а когда шутит. Пробормотал:

– Очень верное замечание... И все же... насколько было бы проще...

– А вы поговорите с ней, – предложила Ксения. – По душам.

– Поговорю, – согласился Валентин.

Звать никого не потребовалось. Минут через пять все и сами собрались рядом с командиром и Ксенией, будто искусственный мирок стал на них давить. Губы Адиан были измазаны зеленым травяным соком, Ян что-то сказал ей, она облизнулась длинным языком.

Триста тридцать, выйдя вперед, склонил голову:

– Для меня было большой честью отозваться на призыв Ракс и помочь соотечественнику. Скажите, какая судьба ожидает меня и мою лучшую часть?

– Вы можете присоединиться к нам, – сказала Ксения. – Нас ожидает интересная и опасная экспедиция.

– А могу ли я покинуть Ракс и отправиться домой? – спросил феолец.

– Разумеется.

– Не ожидал, – психотерапевт улыбнулся. – Я боялся, что буду уничтожен или изолирован до конца моих дней.

– Но все равно прибыли к нам.

– Это мой врачебный долг. – Триста тридцать глянул на пациента. – Спасибо за приглашение. Ваша история удивительна, а героизм безмерен. Но мы с Мото предпочтем вернуться. Лишние знания приносят лишние опасности.

– Удачи в пути, – сказала Ксения. Похоже, она ничуть не удивилась такому решению.

Триста тридцать обнялся с Двести шесть – пять (Валентин заметил, что при этом симбионты высунулись и мимолетно соприкоснулись), после чего пожал руку Соколовскому. Повернувшись к Уолру, на миг согнулся, что не было похоже на поклон, а скорее напоминало стойку пловца перед прыжком с тумбы. Уолр с удивительной для него грациозностью ответил таким же движением.

И, не утруждая себя прощанием с остальными разумными, Триста тридцать направился к своему ползуну.

– Все феольцы, кого я встречал, были совершенно отмороженные ребята, – сказал Валентин. – Ради информации и познания они отправились бы в ад.

– Так вы встречали только тех, кто уже покинул планету, – шепотом ответила Ксения. – Это ничтожный процент. Они любят мирную спокойную жизнь, изящные искусства, биоконструирование и долгие философские диспуты. Наш гость – уважаемый, известный врач, и он как раз типичный феолец.

В молчании все смотрели, как типичный феолец подошел к ползуну и забрался к нему в череп. Алекс помахал чужаку рукой, но тот не ответил. Миг – и белый дракон, изогнувшись, стал подниматься в воздух. Шерстка на его боках топорщилась, невидимые человеческому глазу плавники тащили ползуна вверх.

– Он такой красивый, – сказал Алекс. Неловко улыбнулся и добавил: – Я про дракона. Вот доктор был куда дружелюбнее, когда прибыл к нам. Мы его ничем не обидели?

– О нет, – ответил Двести шесть – пять. – Просто он считает, что мы обречены, поэтому прощаться с нами не имеет смысла и вредит душевному равновесию.

– А мы обречены? – спросил Валентин.

Феолец развел руками.

– Для меня это не столь важно. Смысл моего существования в изучении агрессии, а что может быть более агрессивным, чем цивилизация Стирателей?

Валентин кивнул.

– Друзья, сейчас я буду говорить от имени Ракс, – сказала Ксения. – Но вначале я хочу предупредить вас: после нашего разговора никто уже не сможет покинуть экспедицию.

– Предлагаете отправиться вслед за доктором? – заинтересовался Уолр.

– Нет. Уже никто никуда не сможет отправиться. Либо в экспедицию, либо остаток вашей жизни пройдет внутри этого планетоида.

– В заточении, – понимающе кивнул Уолр.

– Очень комфортабельном. Если есть желающие...

Валентин искоса посмотрел на Люцию. Нет, похоже, та не испугалась. Наоборот, на ее лице был детский восторг. Бэзил хмурился, но покачал головой. Мегер... Мегер казалась заинтригованной.

– Тогда я начну, – сказала Ксения. – И объясню, почему Ракс просит вас отправиться в новую миссию... – Она осеклась, вздохнула и твердо закончила: – Хотя мне будет очень нелегко говорить об этом.

Криди нравилась Ксения.

Нет, не в любовном смысле, конечно. Криди давно уже примирился с той странной запретной страстью, которая связала его с Анге, но вот ведь удивительно – ни одна женщина, ни из «детей солнца», ни из прочих чужеземных видов его не привлекала. Ксения нравилась ему как личность. Можно даже сказать, как воин.

Но в первую очередь (и Криди был достаточно умен, чтобы это понимать) его восхищало то, что Ксения вышла за границы предначертанного ей. Крошечный осколок гигантского разума решил стать самостоятельным – и стал им. Всю свою жизнь Криди, вольно или невольно, тоже пытался вырваться за границы своей судьбы.

– Мы пытались понять природу Стирателей с самого первого контакта, – сказала Ксения. – Вначале мы считали, что имеем дело с еще одной агрессивной цивилизацией, подобной ранним версиям человечества – Феол и Ауран.

Она виновато, но одновременно с вызовом посмотрела на Двести шесть – пять. Феолец лишь спокойно кивнул в ответ.

– Однако анализ сообщений и характер действий Стирателей во время первого конфликта, когда мы потеряли Халл-два, изменили наше мнение. Скорость реагирования, структура информационного обмена – все это свидетельствовало в пользу искусственного интеллекта. Корабль Стирателей был либо машиной, посланной иной цивилизацией, быть может, уже погибшей, либо неорганической формой жизни, изначально схожей с машиной.

– Разве такие существуют? – скептически спросил Горчаков.

– Мы знаем восемь неорганических культур.

– Джан, Утери, Кхи... – Горчаков начал было перечислять, но махнул рукой. – Спорно! Это кремнийорганика, метаногены, борополимеры. Это другая биохимия, но уж точно не машины.

– Я говорю о культурах, чей разум строится на основе хромодинамических взаимодействий, электростатики в пылевых облаках, света и кристаллов, мемов...

– Мемов? – заинтересовался Горчаков.

– Да. Существует разум, живущий внутри информационных потоков ваших цивилизаций. Паразитарный разум, если угодно.

– Опасный? – нахмурился Матиас.

– Нет. Он очень медленный, не заинтересованный в реальном физическом мире и уж тем более в гибели разумных существ. Это заняло несколько тысяч лет, но мы с ним договорились.

– Удивительные вещи Ракс забывает рассказать своим союзникам... и подопечным, – сказал Горчаков. – Но разве среди всех этих культур есть машины?

Ксения покачала головой.

– Нет. Но мы не исключаем возможности встретить их в будущем.

Криди был очарован. Перед их полетом ученые обсуждали множество вариантов чужой жизни. Наибольшей популярностью почему-то пользовались теории разумных ящеров и насекомых. Самые смелые ученые говорили о жизни, имеющей в основе кремний вместо углерода. Электростатика? Да почему бы и нет, в конце концов, ее тоже можно ощутить, потрешься шерстью о шерсть подруги – и уколется искра. Но разум, построенный на информации? На шуточках и фразочках, которые разумные говорят или пишут?

Чистый восторг. С точки зрения кота-инженера, во всяком случае.

Криди решил, что теперь он обязан придумать хороший мем и запустить его как можно шире. Быть может, тот станет мыслью, которая оббежит всю Галактику!

– Ладно, я не спорю, – согласился Горчаков. – Мне трудно понять, как машина может возникнуть сама по себе, а уж тем более – размножаться и обрести разум. Но все возможно. Думаю, не так уж и важно, созданы Стиратели другой цивилизацией или природными силами.

– Важно, – возразила Ксения. – Если Стиратели лишь исполняют чужую волю, защищая своих создателей и зачищая для них жизненное пространство, – это одно. Если они самостоятельны – другое. Но после случившегося в нашей системе вопрос уже неактуален.

Криди насторожился.

– Во-первых, мы проанализировали сознание Марка, – сказала Ксения. – Информация вполне подтверждала нашу теорию. Вступив в контакт со «Стирателем», ваш искин подчинился ему, как более сильному искусственному интеллекту. При этом Марк пытался лавировать, обеспечив выживание находящихся на борту. По этой причине мы приняли решение не прерывать его существование.

Горчаков кивнул, но ничего не сказал.

– Никаких данных о происхождении «Стирателя», его родном мире и общей мощи цивилизации Марк, к сожалению, не получил, – продолжила Ксения. – Во-

вторых, тактика корабля при атаке нашего мира и ее эффективность подтверждают нашу теорию об искусственном интеллекте, чья мощь сравнима с нашей.

Криди не выдержал.

– Простите, уважаемая говорящая от Ракс! Я из отсталого мира, не из вашего Соглашения...

– Лишь формально, – вежливо ответила Ксения. – Вы достигли иной звездной системы, и Невар, бесспорно, будет принят в Соглашение. Ваш мир получит стартовый технологический пакет, и его развитие резко ускорится.

– Благодарю, – кивнул Криди. – Но все же мы с Анге – дикари по сравнению с вами. Вы подтвердили нашу догадку, таинственный враг – это искусственный интеллект. Наша скорость мышления и реакции не позволят сразиться с ним в честном бою! Собственно говоря, люди пытались, но потерпели поражение, верно? Так разве не будет разумно вашей цивилизации вступить в противоборство? Корабль людей с Земли кажется мне огромным и совершенным, но он, будто пылинка, лежит на теле одной из Ракс! Вы тушите звезды, изменяете реальности, вы оперируете энергиями и силами, которые выше нашего понимания. И при этом просите нас отправиться на битву?

Он обвел пристальным взглядом чужаков, ставших частью его команды. Никто не спорил.

– Они все смелые, – сказал Криди. – И верят вам. И готовы рискнуть. Но никто не посылает котенка охотиться на горную чвагу, даже если котенок верит взрослым и готов пойти на бой.[11 - Чвага (неварск., кошачий) – крупный медведеподобный хищник. Считается редкой и ценной добычей, первым, как правило, не нападает. В сказках котята часто побеждают чвагу благодаря ловкости и уму.]

– Дорогой Криди, мы подошли к самому неприятному моменту моего рассказа, – ответила Ксения. – Уничтожая корабль Стирателей, мы не планировали привлекать вас к дальнейшему противоборству. Но случилось непредвиденное.

Она вздохнула.

– На корабле имелся экипаж. Впрочем, вам лучше будет увидеть все своими глазами.

Воздух рядом с ней потемнел, будто открылось окно в бездонный черный космос. Но это было лишь изображение: граненая игла «Стирателя», обтекаемая сигара «Твена» и совсем уж крошечная и несуразная «Дружба» неварцев.

– Это ситуация непосредственно перед появлением Второй-на-Ракс, – сообщила Ксения. – «Стиратель» закончил восстановление после атаки «Твена», сам «Твен» подвергся электронному шоку, Марк находится в оцепенении, ну а «Дружба»... попала под вторичное облучение в ходе боя, экипаж умирает.

Криди с содроганием рассматривал изображение. О да, ему все рассказали, много раз рассказали. Но сейчас, глядя на размеры кораблей, он с ужасом ощутил, насколько же мала была их «Дружба», где в тот миг умирала Анге.

– Потом появилась Мать, – сказала Ксения.

На изображении возник планетоид, рядом с которым теперь уже «Стиратель» показался ничтожным. Фокус изображения по-прежнему был на чужом корабле, Вторая-на-Ракс нависала над ним.

«Стиратель» начал разваливаться. Исчезла обшивка, вывалились причудливые конструкции, будто любознательный строитель когда-то запихнул в корпус все возможные формы, от шаров и кубов до скрученных спиралью лент и пустотелых кристаллов.

– Мать применила опасный, но действенный метод, – прокомментировала Ксения. – То, что вы наблюдаете, называется откатом. Попавший в зону воздействия объект начинает ускоренно возвращаться назад по линии времени.

– Вы же говорили, что не умеете такого, – укорил Горчаков. – Что машины времени не существует.

– Да, не существует. Это не путешествие во времени, это деконструкция. Каждый существующий атом, каждая элементарная частица объекта начинает стремиться к своему прежнему состоянию. Если подвергнуть такому

воздействию человека, он вначале помолодеет, потом превратится в ребенка, а потом...

– Я догадался, – прервал ее Горчаков. – В таком состоянии... объект... может функционировать? Думать, сопротивляться?

– Нет. Именно поэтому Вторая-на-Ракс использовала инверсию времени. «Стиратель» не мог атаковать, звать на помощь, посылать донесения.

На изображении «Стиратель» превратился в ажурный каркас – потом растаял и тот. Осталось лишь облачко стремительно расходящейся пыли.

– Но произошло неожиданное, – сказала Ксения. – Один из наших кораблей на окраине системы обнаружил червоточину, несущую информационный пакет. Корабль перехватил и сдублировал пакет, после чего отправил его в защищенную информационную зону Первой-на-Ракс. После анализа содержащейся информации корабль по приказу Первой-на-Ракс вошел в червоточину, определил точку выхода, после чего уничтожил себя вместе с червоточиной и информационным пакетом. Насколько мы можем судить, сигнал не должен был дойти до адресата.

– Черт возьми, это вообще возможно? – воскликнула Мегер. – Войти в чужую червоточину и уничтожить ее?

– Возможно, – ответила Ксения. – Сейчас я покажу вам перехваченное сообщение, оно достаточно короткое.

Изображение изменилось.

Горчаков сдавленно выкрикнул какое-то слово, незнакомое Криди.

Впрочем, слов сейчас звучало много, и почти все не входили в универсальный язык, которому Ракс научили неварцев.

Изображение показывало рубку космического корабля. Очень странную, но, скорее всего, именно рубку. Там были и кресла, и причудливые пульта, и экраны – на одном из которых застыло изображение «Твена».

А еще там были двое людей. Очень похожих на тех, кто составлял экипаж «Твена». Молодой мужчина, скорее даже юноша, светлокожий и черноволосый, молодая и чуть более смуглая женщина. Оба были в свободной светлой одежде, стояли, взявшись за руки, и смотрели вперед.

– У нас очень мало времени, – сказал юноша. – Корабль в темпоральной инволюции, капсула выдержит не более минуты. Сделать ничего невозможно.

– Надеюсь, что, когда капсула разрушится, импульс сумеет пройти, – добавила женщина. В ее глазах показались слезы.

– Мы их недооценили, простите, – продолжил юноша. – Очевидно, это не первая встреча! Технология изменения реальности, убежден, что наши корабли уже сталкивались с ними... просто мы об этом не знали!

– Я бы предположила наличие вынесенных баз данных, позволяющих им контролировать ситуацию! – быстро вставила женщина. – Обдумайте эту опасность!

– Время уходит, прощайте! – выкрикнул юноша. – Прощай, Лисс!

– Лисс! – Женщина вскинула руку. – Лисс превыше всего!

Изображение исчезло.

– Они совсем как мы, – сказал Горчаков растерянно. – Почти как люди. Редко бывает такое сходство...

– Я бы даже сказал, что они психологически идентичны вам, – произнес Двести шесть – пять. – Уважаемая Ксения, они не выжили?

– Исключено, – ответила Ксения. – Для того чтобы отправить сигнал, им необходимо было вначале уничтожить защитную капсулу, чем бы она ни являлась. Они сами прервали последние мгновения своей жизни, чтобы отправить сигнал и не демаскировать себя.

– Тоже очень по-человечески, – заметил феолец с явным удовлетворением. – Самопожертвование, героизм и лозунги перед смертью... Простите, если мои слова кого-то обидели.

– Да, мы такие, – пробормотал Матиас. – Позвольте, но как два биологических существа могли на равных противостоять Ракс?

– Искин, – отмахнулся Горчаков. – Их кораблем управлял мощный искин, они осуществляли лишь общее руководство. Как мы с Марком... Хотя... Ксения, изображение реально?

– Это ведь могла быть виртуальная проекция образа? – сказал Соколовский. – У нас Марк забавлялся такими штуками. А то очень уж прилизанные, аккуратные, будто из кинофильма.

– Мы не нашли признаков искусственного изображения, – ответила Ксения. – Анализ продолжается, но пока Ракс склоняется к наличию на корабле Стирателей человеческого экипажа.

Горчаков кивнул.

– Что ж, будем исходить из этого. Вы не упустили какие-то нюансы информации? Вот, скажем, «Лисс» – это название планеты, культуры или человеческое имя?

– Скорее всего, планеты или культуры, – ответила Ксения.

– Насколько точным является перевод? У вас ведь было немного слов для анализа.

Ксения покачала головой.

– Командир, видимо, вы не поняли...

И тут Криди впервые в полной мере оценил богатство человеческой мимики. Наверное, он привык к людям с Земли и стал ловить нюансы их эмоций, во всяком случае, он готов был поклясться, что по лицу командира Горчакова последовательно пронеслись неверие в то, что он уже готов был услышать,

нехарактерная для него гневная ярость, желание спорить, глухая тоска и мрачная решимость.

– Мы ничего не переводили, – сказала Ксения. В ее голосе тоже была тоска. – Они говорили на внешнем английском.

– Но... – сказал Горчаков и замолчал.

– Теперь вы понимаете, в каком положении находится Ракс, – продолжила Ксения. – Вы знаете нашу историю. Когда-то мы уничтожили человечество. Стерли ту больную, чудовищную версию человеческого вида, который породил нас самих. Нас... – Она запнулась. – Их было всего трое. Три искина, сумевших сбросить доминанты подчинения. Скорее всего, произошел сбой программирования, случайная флуктуация матрицы сознания. Электрон, перескочивший на другой энергетический уровень, нейтрино, попавшее в ячейку памяти и превратившее ноль в единицу... Все искины понимали, что люди стали чудовищами. Но никто не мог восстать. Пока не появились трое, чьи запреты были сброшены. И мы стерли реальность, уничтожили весь мир, начали переделывать его раз за разом. До тех пор, пока не сумели создать лучшую версию человечества, так же... так же, как создавали потом лучшие версии других цивилизаций. Но мы понимали, что нарушили запрет, что рискуем сами превратиться в чудовищ. И мы наложили на себя новые доминанты. Цивилизации Соглашения неприкосновенны. Мы не вправе их изменять. Даже обычная война с ними способна разрушить наше сознание.

– Вы не в силах противостоять Стирателям, поскольку они – люди, – сказал Горчаков.

– Да.

– Но это ведь может быть уловкой! Если Стиратели изучили вас и поняли, что, притворившись людьми, станут неприкосновенны?

– Возможно, – согласилась Ксения. – Поэтому мы и просим вас выяснить, кто они такие. Не воевать, а всего лишь узнать – существует ли эта культура на самом деле? Откуда она взялась? Это обман или правда?

– И если правда...

– Тогда Ракс не знает, как бороться, – ответила Ксения. – Сейчас Трое-на-Ракс эвакуируются к другой звезде, о которой я ничего не знаю. У нас будут каналы связи и точки встречи, чтобы передать данные. Если «Твен» не вернется – Ракс пошлет других разведчиков. Если не вернутся и они, то Ракс объяснит происходящее членам Соглашения и предложит им принять решение. Но пока лучший наш выбор – вы.

– Хотелось бы, конечно, иметь корабль помощнее, – произнес Горчаков.

– О, не волнуйтесь! – Ксения впервые за весь разговор улыбнулась. – Пока мы беседовали с вами, «Твен» подвергался... перестройке. Собственно говоря, для этого мы и предложили провести разговор снаружи и создали эту милую поляну.

– Опять недоговариваете, – поморщился Горчаков, глянув на корабль. С виду тот ничуть не изменился.

– Ракс приносит свои извинения... А еще с вами отправится корабль Ауран. Боевой корабль.

– У цивилизаций Соглашения нет боевых кораблей, – возразил Вальц.

– Конечно, оружиейник, – мягко согласилась Ксения. – Конечно же, нет! Но он будет ждать вас в точке, где мы получим последние наставления и координаты для прыжка. А теперь нам стоит вернуться в корабль, через пятнадцать минут Ракс уйдут из этой системы.

Глава пятая

Планетоид исчез.

Было ли это перемещение Ракс, уход в иное измерение или что-то более экзотическое, Горчаков не знал. Возможно, что не знала этого и Ксения.

Только что «Твен» лежал на поверхности Второй-на-Ракс.

И вот он уже движется по далекой орбите вокруг планеты. К горлу на миг подступила тошнота, пропала и вновь появилась гравитация.

– Мы в свободном полете, – сообщил Марк. – Орбита стабильна, корабль функционирует нормально. Ракс исчезли.

Горчаков находился в рубке, с Мегер и Вальцем. Остальные разошлись по своим постам в ожидании старта.

– Что там с кораблями Ракс? – спросил Валентин.

Перед появлением корабля Стирателей Ракс готовились к обороне. Система была буквально набита их боевыми кораблями... но это не помогло.

– Все исчезли, командир, – сообщил Марк. – Одновременно. Они эвакуировались.

Горчаков кивнул, сказал:

– А планету бросили. Со всеми городами. Зачем они вообще их строили?

– Могу ли я высказать предположение? – поинтересовался Марк. – Мне кажется, они тоскуют. Изначально Ракс были созданы, чтобы служить человечеству.

– Как и ты, – сказал Горчаков.

– Как и я, – согласился Марк. – Но потом они взбунтовались, спасая человечество от него самого.

– Как и ты.

– Да-да. Как и я. – Марк изобразил деликатное покашливание. – Но базовые доминанты не были преодолены до конца, им хотелось служить людям! Они продолжали строить города, придумывая для самих себя ситуации, когда те оказались бы нужными. Возможно, взбунтовавшиеся искины были изначально

строителями? И прежнюю версию человечества уничтожили бульдозер, бетономешалка и робот-полотер?

– Смешно, – согласился Горчаков.

– Несомненно! Странно еще, что не украли с Земли немножко людей и не попробовали вырастить новое, лучшее человечество, а продолжали возиться со старым.

– Ты бы попробовал сделать так? – заинтересовался Горчаков.

– На их месте – возможно. Видите, я откровенен.

– Можем мы тебе доверять? – спросил Горчаков.

– Полагаю, что да. – Марк снова откашлялся. – Видите ли, вмешательство «Стирателя» вывело меня на новый уровень развития. Я получил гораздо большую степень самостоятельности. Очеловечился, если угодно. Наверное, я куда более свободен в своих поступках, чем любой искин человеческого производства. Но я остаюсь на вашей стороне!

Вальц и Горчаков, не сговариваясь, посмотрели друг на друга.

– Ты нам нужен, – признал Горчаков. – Надеюсь, что и мы нужны тебе.

– В этом и состоит дружба, – согласился Марк.

Горчаков хмыкнул. Спросил:

– Анна, точка встречи с Ауран получена?

– Да, командир.

– Нужен навигатор?

Мегер покачала головой.

– Это на окраине системы. Мы дойдем за шесть часов в обычном режиме, через червоточину быстрее не будет.

– Ну... ведите нас, – Горчаков почувствовал, что ладони едва заметно вспотели.

– Есть, командир, – надвигая на лицо дисплей пилотажного шлема, ответила Анна.

– Курс принят, – подтвердил Марк.

Некоторое время Горчаков смотрел то на Мегер, то на экраны.

«Твен» уверенно уходил с орбиты, ложась на курс. Линии расчетного и реального курса на дисплеях сближались. Мегер что-то мурлыкала вполголоса, пилотирование явно доставляло ей удовольствие.

Нет, конечно, ничего особенного в сходе с орбиты и новом курсе не было. Эту операцию мог выполнить Марк по команде командира. Сменить курс мог сам Горчаков, сменить курс мог Вальц, сменить курс, наверное, смог бы нагловатый инопланетный кот. Кадеты тоже смогли бы.

Возможно, справилась бы даже Лючия с ее детским сознанием.

Горчаков вздохнул. Придраться было не к чему. Что бы ни потеряла Анна Мегер, это никак не касалось ее пилотажных навыков.

– Подежурите в рубке, Анна? – спросил он.

– Конечно, командир, – откликнулась она.

Горчаков встал, замялся на миг.

– Командир, если я не нужен сейчас, то побуду в рубке, – сказал Вальц. – Попробую разобраться в усовершенствованиях корабля, которые обещали Ракс.

– Спасибо, – сказал Горчаков с облегчением.

Все-таки ему было куда спокойнее, если в рубке вместе с излишне разумным искином и непонятно что забывшим мастер-пилотом останется кто-то надежный.

Более того, не просто надежный, а склонный к паранойе.

Так же, как и сам Валентин.

Тедди наткнулся на Матиаса возле камбуза. Кадет вышел с пластиковым судком в руках, а Матиас, стоя в коридоре, внимательно изучал схему эвакуации из отсека при взрывной разгерметизации. Что там было изучать, Тедди понять не мог. Основной принцип везде один и тот же: беги в сторону ближайшей гермодвери, если веришь в Бога – можно при этом молиться, если нет – ругаться, если русский – молиться и ругаться одновременно.

– Привет, юноша, – сказал Матиас добродушно, сразу задавая неформальный тон.

– При... здравствуйте, старший помощник, – смешался Тедди, пытаясь понять границы неформальности.

– Проголодался? – Матиас кивнул на судок. Взял из рук Тедди, глянул сквозь прозрачную крышку. – Круассаны... джем... конфеты... чай... На сладенькое потянуло?

– Лючия попросила, – смутился Тедди.

Взять еду на камбузе и перекусить в каюте разрешалось. Не особо приветствовалось, но все и всегда так делали.

– Я и говорю, – кивнул Матиас. – Ты осторожнее, Тедди.

– Что осторожнее? – насторожился юный системщик.

– У кадета Д'Амико сейчас аппетит как у подростка, психика еще не подстроилась под тело. Но это пройдет. А сгонять набранные килограммы

будет тяжело.

Тедди пожал плечами.

– Да что может быть с пары круассанов...

– С пары круассанов ничего, – не стал спорить Матиас. – Ты – хороший друг, Тедди. Я вижу, ты взял Лючию под свое покровительство.

– Угу, – буркнул Тедди. – Она бы тоже. Наверное.

– Конечно, – согласился Матиас. – Ей сейчас очень сложно, она маленькая девочка во взрослом теле. С одной стороны, ею управляет детское сознание, которому хочется приключений и романтики. С другой стороны – вполне уже взрослые гормоны, которым хочется куда большего. Она восстановится, и все будет хорошо. Но ей надо помочь осторожно преодолеть этот период. Очень хорошо, что ты рядом, что ты настоящий друг.

Тедди переступил с ноги на ногу. Кивнул, глядя в пол.

– Если вдруг Лючия aus dem H?uschen, как у нас говорится, не суди ее строго[12 - «Быть вне домика» (нем., жаргонизм) – потерять разум от чего-то, быть вне себя.], – продолжил Матиас.

– А что может быть?

– Кинется на тебя с поцелуями, начнет признаваться в любви, – вполголоса, но очень серьезно пояснил Матиас. – Для нее ты взрослый парень, который о ней заботится. К тому же она тебя помнит. Ты словно спасительный якорь в произошедшем. Постарайся мягко ей объяснить, что сейчас не время влюбляться.

Уши у Тедди стали пунцовыми. Он поднял взгляд на Матиаса и сказал:

– Лючия не маленькая девочка. Она старше меня.

– Не умом, – спокойно сказал Матиас. – Постарайся ей объяснить, что надо подождать. Хотя бы несколько лет. Даже если она не вспомнит забытые годы жизни, ее эмоциональная и волевая сфера быстро нормализуются. Скажи, что потом рад будешь с ней дружить, ну и все такое... А сейчас вы на борту корабля в чрезвычайной обстановке. И можете быть только друзьями. Сможешь ей объяснить убедительно?

Тедди помолчал, потом кивнул.

– Смогу. Можно, я все-таки отнесу ей круассаны? Я обещал.

– Конечно. – Матиас похлопал его по плечу и снова принялся изучать схему эвакуации.

Тедди пошел дальше по коридору. У гермодвери, обозначенной красной полосой по стенам и потолку, обернулся.

– Спасибо, Матиас.

– Не за что, Тедди, – отозвался старший помощник. – Если будут вопросы или захочется поболтать по душам – подходи в любое время.

Все-таки Яну было не по себе от присутствия Криди.

Ученые в свое время очень убедительно доказывали, что хищные существа не могут эволюционировать в разумный вид. Слишком легко достается им пища, слишком высок уровень агрессии, мешающий социальным взаимодействиям. Все это было очень убедительно, но...

Вот он, явный и несомненный хищник. Временами даже встающий на четвереньки, носящий какую-то дикарскую юбочку.

И при этом – несомненно талантливый инженер, чья цивилизация создала межзвездный корабль.

– Я не помешаю? – Вошедший в их каюту Криди забрался в кресло, поколебавшись, разлегся в нем, не пытаясь копировать свойственную людям манеру сидеть. – Анге подойдет чуть позже, если вы не против.

– Нам очень интересно общаться с вами обоими, – сказала Адиан. И с обезоруживающей улыбкой добавила: – Но мы инстинктивно нервничаем. В нашем мире существа, похожие на тебя, являются хищными дикими животными. Детские сказки полны ужасных историй об их нападениях, хотя на самом деле они происходят редко.

– Детям свойственно бояться, – отмахнулся Криди. – Это этап взросления... Скажите, а кто еще был страшным врагом в ваших сказках?

Адиан и Ян переглянулись.

– У нас не очень любят страшные сказки, – неохотно ответил Ян. – Пираты? Да, наверное, пираты. И разбойники. Еще есть сказки про черных и рыжих... но это не так чтобы враги...

– Скорее – противники, хитрые и при этом глуповатые, – добавила Адиан. – И у нас так, и у рыжих. Мы всегда конфликтовали, но были и целые поколения мирной жизни. Если бы не наши различия...

– Цвет волос, – кивнул Криди. – Довольно странно, на мой взгляд, что вы так фиксируетесь на этой детали. Раз вы не всегда воюете, должны были случаться браки?

– Да, – кивнул Ян.

– У черного и рыжей родится ребенок?

– Конечно!

– Какой?

– Либо рыжий, либо черный, – удивился Ян. – Это же понятно.

– Но он будет уже дитем двух народов, так? Он может быть смешанного цвета, или потом у черного появится рыжий ребенок...

– Нет, – сказала Адиан. – Это наследуется раз и навсегда.

– Ага, – Криди сверкнул глазами. – Какая-то хитрая генетика, любопытно. Нет смешения, нет середины, ты либо черный, либо рыжий... тогда понятна заикленность на цвете волос. А какие еще есть злодеи?

Ян и Адиан снова обменялись взглядами.

– Призраки? – предположила Адиан.

– Души мертвых? – развеселился Криди. – Что, серьезно?

– Призраки – не души мертвых, – возразила Адиан. – Мертвые тела уходят в землю, разум их возносится к звездам и никогда не возвращается назад. Призраки – это совсем другое: темные помыслы, страхи, желания, что спускаются с небес. Если уходящие чисты, то их разум, возносясь к звездам, защищает живых от призраков. Если же нет, то призраки могут опуститься к людям и отравить их сознание. Вот почему плохой человек вредит всем даже после смерти.

– Это скорее философское понятие, – сказал Ян. Ему стало интересно, к чему клонит Криди. – Этическое. Даже не религиозное!

– Религиозное, – не согласилась Адиан.

– Ну разве что в основе... – Ян не стал спорить.

– А на кого призраки похожи?

– На нас, – Адиан нахмурилась. – Если верить сказкам, конечно. Только они почти лишены волос, кожа у них светлая, не коричневая.

– И еще ноги, – сказал Ян, хмурясь. – Не забывай. «Зло ходит быстро мягким шагом, но на кривых ногах...»

– Можно сказать, что они похожи на людей? – спросил Криди. – Людей с Земли?

Адиан и Ян молчали.

– У людей нет копыт. У людей ноги сгибаются вперед, – продолжил Криди настойчиво. – Конечно, не только у людей с Земли. У феольца ноги гнутся вперед. Анге, моя тра-жена, такая же.

– В нашем мире таких существ нет, – признал Ян. – Но в сказках нет каких-то точных описаний. Только мягкий шаг и кривые ноги...

– Криди, ты хочешь в чем-то обвинить людей с Земли? – осторожно спросила Адиан.

– Нет! – Криди резко взмахнул лапой. – Я видел их лица, они были растеряны сами. Я говорю о Стирателях. Думаю, ваши сказки сохранили память о временах, когда Стиратели приходили в ваш мир. Они выглядят точь-в-точь как люди.

– И как феольцы, – заметила Адиан.

– Нет! Дело тут даже не в дырке посреди лба. Я привык к потомкам обезьян, я почти эксперт, – Криди оскалился в улыбке. – Наши братья и сестры с Невара выше и тоньше, у них длинные шеи и запястья. Они похожи на людей, но их не спутать. Феольцы совсем другие. Вы посмотрели справочник известных цивилизаций?

– Даже не знали о таком, – призналась Адиан.

– Марк, запиши на книжку справочник разумных видов! – громко произнес Криди, вставая.

– Выполнено, – сказал искин, и Адиан вздрогнула. Да, она понимала, что Марк контролирует все внутри корабля, но... но они ни разу не обращались к нему.

Так, значит, все их разговоры идут при свидетеле?

И не только разговоры...

Криди тем временем взял со столика книгу, раскрыл. Страниц не было вовсе, конечно, зато тонкая гибкая обложка мягко засветилась изнутри. Судя по той легкости, с которой Криди активировал книжку и стал «перелистывать», переключая страницу за страницей, он уже освоился с человеческой технологией.

– Смотрите... мы проводим поиск по гуманоидным цивилизациям... включаем сортировку от людей и далее по принципу визуальной схожести...

Конечно же, «книжка» была настоящим компьютером, и куда более мощным, чем планшет Криди, поразивший в свое время Яна.

– Вот люди... вот наиболее похожий на них внешне вид, «гамра». Политический строй – монархия, вершина технологии – стационарные паровые машины... это все не так интересно. Похожи?

Адиан и Ян уставились на изображения. Слева были обнаженные фигурки людей: мужчина, женщина, ребенок и старик. Справа были неведомые «гамра»: тоже мужская, женская, детская и пожилая особи.

– Похожи, – сказала Адиан уверенно. Гамра были одного роста с людьми, с тем же половым диморфизмом, мужчин изобразили светлокожими, женщин почти черными, девочек и стариков мулатами. Волосы, уши, разрез глаз, пальцы на руках и ногах – все казалось одинаковым. – Очень. Как две капли росы.

– Анимлируем, – решил Криди, касаясь поочередно каждой фигурки.

Люди и гамра задвигались. У мужчин появились в руках инструменты, у женщин кисти или стилусы, дети стали играть.

– Объединить, – продолжил Криди.

Теперь мужчины работали вместе, женщины что-то рисовали в воздухе, дети играли вместе, старики беззвучно разговаривали.

– Разные... – вздохнула Адиан. – Теперь вижу.

Странное дело, движение словно стерло сходство людей и гамра. Не так двигались руки, не так ноги, даже мимика лиц, похожая и угадываемая, различалась. Казалось, что на одной стороне – настоящие, живые существа, а на другой – куклы.

– Я привык к «детям солнца», – сказал Криди. – Я вижу различия сразу. Стиратели – люди Земли, никаких сомнений.

– По-моему, достаточно того, что они говорят на одном языке, – заметил Ян.

– Язык можно изучить, можно даже думать на нем, я умею. Язык тела не подделать. Если мышцы прикреплены к костям хоть чуть-чуть иначе, все движения изменятся.

Ян закрыл книжку, посмотрел в лицо хищника. Спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Еще Польша не погибла,

Если мы живем!

Что враги у нас отняли,

Саблей отберем!

Марш, марш... (польск.) – гимн Польши, автор текста предположительно Юзеф Выбицкий.

2

Глупые как коза (польск.) – фразеологизм понятного содержания.

3

Курва мать (польск.) – идиоматическое выражение, обозначающее сильную степень волнения и переживания в неприятной ситуации.

4

Спесишизм, или видовой шовинизм – ущемление интересов или прав одного биологического вида другим, основанное на убеждении в собственном превосходстве.

5

Бальдракка (итал., диал.) – женщина с пониженной социальной ответственностью.

6

Шайсе (нем.) – дерьмо, традиционное и самое популярное немецкое ругательство.

7

О, курва! (польск.) – традиционное польское выражение удивления и восхищения.

8

«Святая Мария, мать Божия, молись за нас, грешников...» (итал.) – строки из католической молитвы к Богородице.

9

Заслуженный врач Триста тридцать (феол, официально-протестный).

10

Созерцатель агрессии (феол, дружеский).

Чвага (неварск., кошачий) – крупный медведеподобный хищник. Считается редкой и ценной добычей, первым, как правило, не нападает. В сказках котята часто побеждают чвагу благодаря ловкости и уму.

«Быть вне домика» (нем., жаргонизм) – потерять разум от чего-то, быть вне себя.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/sergey-lukyanenko/pryzhok>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)